

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

НАШЕСТВИЕ
ЧУЖИХ

ПОЧЕМУ К ВЛАСТИ
ПРИХОДЯТ ВРАГИ

Русская история

Валерий Шамбаров

**Нашествие чужих. Почему
к власти приходят враги**

«Алисторус»

2013

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

Шамбаров В. Е.

Нашествие чужих. Почему к власти приходят враги /
В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2013 — (Русская история)

Февральская и Октябрьская революция стали результатами не классовой борьбы или русского бунта, а тщательно спланированных и подготовленных операций спецслужб Антанты. Целью ставилось уничтожение конкурентки России и захват ее богатств, для чего западные закулисные силы сумели искусственно расколоть русский народ и натравить одну его часть на другую. Осуществлялась операция через сеть агентов, занимавших важные посты в российском и советском руководстве. Такими агентами были Барк, Ломоносов, Протопопов, Терещенко, Керенский, Чернов, Скобелев, Мартов, Троцкий, Свердлов, Коллонтай, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Крупская...

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

© Шамбаров В. Е., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

От автора	6
1. Откуда приходят революции?	7
2. Кто становился революционерами	14
3. А что такое – «интернационал»?	20
4. Как возникла Антанта	26
5. Революционеры «плаща и кинжала»	32
6. Почему заглохла первая революция	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Шамбаров
Нашествие чужих. Почему
к власти приходят враги

© Шамбаров В. Е., 2013

© ООО «Алгоритм-Книга», 2013

От автора

Февральская революция... Октябрьская революция... Гражданская война... Это была величайшая из катастроф, которые довелось пережить России в своей истории. И не случайно о революции написано огромное количество научных, публицистических трудов, монографий, сборников, статей, снято множество фильмов и передач, пытающихся осветить грандиозную русскую трагедию и с «красной», и с «белой», и с более менее «нейтральной» точек зрения. Но, несмотря на такое обилие источников, интерес к данному периоду истории остается неизменно высоким. Снова и снова поднимаются вопросы – почему так получилось? Кто был виноват? На чьей стороне была правда – красных или белых?

Однако по мере углубления разработок и исследований вскрываются и новые «слои» архивных материалов. Обнаруживаются новые документы, ранее неизвестные или невостробованные свидетельства. И теперь уже можно сказать вполне определенно: революция в России вообще не была вызвана ее внутренними экономическими или социальными проблемами. Она была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно и расчетливо расколоть русский народ. Расколоть искусственно – с тем, чтобы стравить людей между собой. Участвовали в этом деле транснациональные корпорации, правительственные, финансовые круги и спецслужбы западных держав. Причем не только и не столько тех держав, которые находились с Россией в состоянии войны, но и государств, считавшихся ее друзьями и союзниками, – в первую очередь США и Великобритании, для которых наша страна в начале XX в. стала слишком сильным конкурентом.

А непосредственными проводниками их разрушительных планов, исполнителями политических, экономических, идеологических диверсий стал ряд агентов, занимавших высокие посты в российском и советском руководстве. Витте, Барк, Ломоносов, Протопопов, Львов, Терещенко, Керенский, Скобелев, Чернов, Мартов, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Ларин, Ганецкий, Радек, Коллонтай, Крупская и др. О тайных операциях, результатом которых стало крушение России в 1917–1922 гг., уничтожение восьмой части ее населения и чудовищное разграбление накопленных ею богатств, рассказывает эта книга.

1. Откуда приходят революции?

14 декабря 1825 г. батальоны лейб-гвардии Московского, Гренадерского полков и Флотского экипажа вышли на Сенатскую площадь. Равнение шеренг. Великолепие мундиров. Блеск эполет. Яркие плюмажи на киверах. Толпы столичной публики. Кареты дам, обмирающих от волнения. Породистые лошади. Французская речь. Святой ореол борьбы за свободу... Залпы картечи. Окровавленный снег. Пять приговоренных на виселице. Самоотверженные жены и невесты, едущие сквозь снега в страшную глухую Сибирь... Эта картина два столетия будоражила воображение интеллигенции, романтиков, молодежи. Вспомните, с каким чувством смотрели фильм «Звезда пленительного счастья», как брала за душу песня «Кавалергарда век недолог...», как жалко их было, этих лихих и прекрасных «кавалергардов».

А во времена перестроек и демократизаций, когда выплеснулась наружу грязь трагедий XX в., историки, журналисты, публицисты вздыхали над драмой декабристов: эх, ну почему же они не смогли победить? Ведь, наверное, вся наша история пошла бы по другому пути? В России установилась бы просвещенная демократия, страна избежала бы катастрофы 1917 г., развивалась бы и богатела, подобно Америке... И завершались подобные размышления сакраментальной фразой: «Увы, история не имеет сослагательного наклонения».

Но при этом в тени, за пределами внимания исследователей, остается очень важная сторона вопроса. Ведь отнюдь не случайно в дореволюционной России ставились в один ряд «враги внешние и внутренние». И они действительно были взаимосвязаны всегда. Или почти всегда. Тайная война, использование чужих междоусобиц с древнейших времен являлись мощными инструментами международной политики. Еще в эпоху Киевской Руси короли Польши, Венгрии, германский император и другие монархи поддерживали тех или иных кандидатов на русские княжеские столы – разумеется, не из альтруизма, а в расчете на собственные выгоды. Впрочем, и русские князья пользовались теми же методами.

Ну а когда стала формироваться и усиливаться Московская Русь, проявился и фактор противостояния «Восток – Запад». Разумеется, это не означало непрерывной войны, были и продолжительные периоды мира, торговли, дипломатических связей, союзничества, шел вполне нормальный культурный обмен. Но данный фактор был вполне реальным и в тех или иных формах действовал постоянно. Сперва, в течение 300 лет, России пришлось вести борьбу за само свое существование с могущественной соседкой, Речью Посполитой. В ходе этой борьбы широко применялись и тайные методы. Польские короли привечали и переманивали перебежчиков, недовольных Василием II, Иваном III, Василием III, Иваном Грозным. Исподтишка поддерживали оппозицию бояр и удельных князей. Подогревали сепаратистские настроения в Новгороде. Использовали Курбского, Котошихина и им подобных для информационной войны, распространяя клевету о нашей стране. Засылали агентуру для покушений на русских властителей. Устраивались идеологические диверсии вроде внедрения ересей. Стефан Баторий, начиная поход на Русь, впервые выдвинул пропагандистский лозунг ее «освобождения» от царской «тирании». А самой крупной диверсией стала Смута 1604–1614 гг., инициированная путем засылки Лжедмитрия I, а затем Лжедмитрия II [124, 175].

Только при Алексее Михайловиче, в войне 1654–1667 гг., Польшу удалось сломить, она фактически выбыла из числа великих держав и покатила в упадок. Россия стала бесспорным лидером Восточной Европы. Но после этого ее главной соперницей становится Франция – лидер тогдашней Западной Европы. Которая взяла под покровительство и ослабевшую Польшу [183]. Именно Франция на протяжении полутора веков больше всех досаждала России, натравливая на нее ближайших соседей. Франция была союзницей Карла XII, финансировала его в ходе Северной войны. Спровоцировала и спонсировала еще две шведских, четыре турецких,

три польских войны. После чего дошло и до прямого столкновения французов с русскими. И все это время опять использовались закулисные подрывные методы.

Карл XII привлек на свою сторону Мазепу и запорожских казаков. В период шведской войны 1741–1743 гг. снова выдвигались лозунги «освобождения» России от «немецкой» династии, а французские дипломаты и шпионы организовали переворот в пользу Елизаветы Петровны – за что от нее требовалось отдать Прибалтику. Хотя Елизавета переиграла противника. Деньги брала, от письменных обязательств уклонялась, а взойдя на престол, продолжила громить шведов. Наполеон, подобно Карлу XII, пробовал сыграть на «казачьем сепаратизме», но просчитался. Использовал он и разрушительные идеи либерализма – например, распространяя в странах потенциальных противников пресловутый «наполеоновский кодекс» (который в собственной державе вводить никогда не собирался). Ну а когда Россия сумела сокрушить Францию, противостояние «Восток – Запад» все равно не исчезло. Теперь главной соперницей стала Англия, которая претендовала на мировое господство и являлась в XIX в. величайшей на Земле империей (включая в себя Индию, Канаду, Австралию, Египет и множество других колоний и полуколоний). Причем Англия в борьбе против России взяла под покровительство и Францию...

Но противостояние нашей страны с Западом во все времена оказывалось гораздо глубже, чем обычная конкуренция, например, между французами и испанцами, англичанами и голландцами. Потому что оно было не только политическим, а еще и духовным. Со времени гибели Византии Россия стала мировым центром и оплотом Православия. Что вызвало вражду со стороны западного католицизма. Получалось, что в XV–XVII вв. русские цари воевали не только с Польшей. За ее спиной вставали Рим, Германская империя. Победы поляков пышно праздновались всем католическим миром, он помогал польским королям деньгами, солдатами, дипломатией, агентурой. Строились планы превращения покоренной России во второй «Новый свет», где русским «еретикам» отводилась судьба американских индейцев [175].

С XVI в. католичество начало разрушаться, заразившись нравами эпохи Возрождения – культом роскоши, разврата, излишеств. Для высших слоев европейского общества устои христианской морали становились помехой. Пошла переориентация на философские теории, по сути антихристианские, где приоритет отдавался не вере, а разуму, а христианство низводилось до символического уровня. Разложение охватило и католическую церковь. На папский престол один за другим усаживались взяточники, извращенцы, убийцы. Это вызывало возмущение верующего простонародья. А всевозможные теоретики принялись по своему разумению придумывать «упрощенные» варианты протестантских религий – лютеранство, анабаптизм, кальвинизм. Начались процессы Реформации.

А с другой стороны, рвалась к власти нарождающаяся буржуазия. Финансисты, купцы, промышленники набирали силу под эгидой абсолютизма. Сильные монархии защищали их, покровительствовали, открывали пути для обогащения. Так было и в Голландии, и в Англии, позже и во Франции. Но монархии и церковь ограничивали хищничество. И воротилам хотелось самим «порулить», захватить рычаги управления под собственный неограниченный контроль. Протестантские религии стали идеологическим знаменем «буржуазных революций». Россия, борясь с католическими державами, вступала в контакты с протестантскими, торговала, заключала союзы. Но в духовном плане их конфессии оказывались еще дальше от Православия, чем католицизм, отрицая Св. Таинства, храмы, иконы, священство, церковную организацию и иерархию.

Торгово-финансовая элита всегда была «интернациональной», сращиваясь деловыми связями, выгодными браками. И не удивительно, что в протестантские учения вошли положения, близкие иудаизму. Например, в кальвинизме – теории об «избранности» богатых, «богоугодности» обогащения. Или теории «общественного договора» между властью и обществом, согласно коим действия властей должны определяться и контролироваться «избранными»,

иначе власть объявляется тиранической, и свергнуть ее – не только право, но и долг общества. Однако фанатизм радикальных сектантов был слишком разрушительной силой, наделал бед в тех самых странах, где буржуазия инициировала революции. Поэтому от таких сектантов стали избавляться. Кого уничтожили, кого сослали или заставили уехать подальше – в Америку, Южную Африку [183]. А протестантские религии постепенно переводились в русло чисто формальных, требующих от человека только читать Библию, слушать проповеди и заниматься благотворительностью.

Для кругов, желающих продолжить переустройство мира в свою пользу, такие формы христианства уже не подходили ни в качестве идеологии, ни в качестве организующей силы. Новым их инструментом стали масонские ложи. Как бы внерелигиозные, делающие упор на «просвещение» – но в действительности само по себе воинствующее «просвещение» противопоставлялось христианству, традиционным устоям государственности, морали. Масонство сформировало идеологию либерализма, вобравшую ряд более старых теорий, вроде «общественного договора» [182]. Оно привлекало тех, кому христианство, даже урезанное, мешало жить так, как хочется. Привлекало и тех, кто считал масонские связи полезными для бизнеса, карьеры. И просто разрушителей.

В XVIII в. ложи расплодились в разных странах, и первой их крупной победой стала так называемая «великая» французская революция, уничтожившая короля, аристократию, французскую церковь [124]. Но масонство не было атеистичным. Разрушая христианство, оно обращалось к «мудрости» древних сакральных культов, каббализму, гностицизму. И во время той же революции якобинцы пытались внедрить культ «мирового разума» или некоего «высшего существа», которое отнюдь не было христианским Богом. Скорее, его противоположностью. Впрочем, за кулисами масонства всегда находились и другие «высшие существа», вполне земные олигархи. И если якобинцев в конце концов отправили на гильотины, если после воровства и разгула Директории к власти пришел Бонапарт, то его победу обеспечили не только военные таланты. Обеспечило и то, что он был ставленником Ротшильдов.

В нашей стране деятельность масонских организаций запрещалась трижды – указами Екатерины Великой, Павла I и Александра I [105]. Но указы не выполнялись. И как раз в правление Александра I эти структуры расплодились в полной мере, чему способствовала сильная космополитизация российской аристократии и дворянства. Роднились с иностранцами, в гувернеры и учителя нанимали иностранцев, в «высшем обществе» самыми престижными считались иезуитские школы и институты. В конце XVIII в. Суворов вдохновлял офицеров и солдат словами: «Вы русские!», а уже в начале XIX в. русские аристократы общались между собой по-французски, их дети не умели по-русски писать, и Ермолов на предложение царя просить себе награду пустил в ход знаменитую шутку: «Государь, произведите меня в немцы!» Верхушка общества при таком отрыве от национальных корней заражалась учениями спиритов, мистиков, а масонство стало повальным увлечением молодежи, модной «игрой».

Но игра была отнюдь не безобидной. В Англии и Франции произошло сращивание крупного капитала и государственной власти, и масонские связи, идеи использовались этими державами во вполне определенных целях международной политики. Когда масон Радищев, душевно нездоровый человек, публиковал свое лживое «Путешествие из Петербурга в Москву», ну неужели он предназначал его отечественной «общественности»? Да весь цвет современной ему «общественности» состоял из помещиков-крепостников! Нет, это, конечно же, была идеологическая диверсия, рассчитанная на резонанс за рубежом. И как раз поэтому Екатерина сочла, что он «бунтовщик опаснее Пугачева». А вот масон Карамзин никогда в бунтовщиках не числился. Но вреда для России натворил куда больше, чем Радищев – исказив историю своей страны. Более того, он обеспечил искаженный фундамент для будущих зарубежных и отечественных историков [101]. Но царь его не осудил, никуда не сослал, а наоборот, обласкал – поскольку и сам уже был заражен «просвещенным» западничеством.

Что ж, в случае победы декабристов история России и впрямь пошла бы по совсем другому пути. Но вовсе не по пути блага и процветания. Страна просто на сотню лет раньше рухнула бы в хаос. И несмотря на то, что «история сослагательного наклонения не имеет», вычислить это совсем не трудно. Ведь незадолго до России Англия и Франция проделали точно такую же штуку с Испанией. Она тоже была сильной и обширной державой, владея Латинской Америкой, Филиппинами, являлась оплотом ортодоксальной католической церкви. Испания, наряду с Россией, была одной из двух стран, которые так и не смог одолеть Наполеон, испанские крестьяне с верой в Бога шли на смерть, но истребляли захватчиков. Заморские провинции населяли разные народы, но администрация, аристократия, интеллигенция состояла из таких же испанцев, как в метрополии. Однако единый народ сумели расколоть.

В среду офицеров и интеллигентов латиноамериканского происхождения, входивших в масонские организации, были внедрены идеи борьбы за независимость. В Америке вспыхнули революции. Но и масонам в самой Испании была внедрена идея борьбы с монархией. Там тоже началась революция. В результате Испания не смогла подавить восстание в колониях и потеряла их. Надорвалась, ослабла и попала в полную зависимость от Франции и Англии. Латинская же Америка под властью Мадрида была единой, разделяясь лишь на административные единицы – вице-королевства, губернаторства. Теперь жители различных провинций не только отпали от Испании, но и передрались между собой. Ссорились из-за персонального лидерства предводителей, из-за различий в системах управления, законах. Гражданские войны унесли 1,5 млн жизней. И Латинская Америка обрела независимость, но раздробленной, обескровленной, нищей, попав в полную экономическую и политическую зависимость от той же Англии [45].

Разумеется, местные масоны, начиная борьбу за свободу, не ставили целью превратить свои страны в «банановые республики». И испанские масоны, начиная революцию, не желали развалить свою державу. Те и другие искренне верили, что под флагами «свободы, равенства, братства» достигнут прогресса и благоденствия. Но действия тех и других умело направляли через масонские структуры политики и воротилы Лондона и Парижа, которые хорошо знали чего хотят, и что должно получиться в результате разыгранной комбинации. Точно так же и русских аристократов-масонов зажигали «красивыми» идеями, подталкивали к революции, в которой выиграла бы отнюдь не Россия.

Кстати, на самом-то деле ничего красивого и возвышенного в выступлении декабристов не было. Половина заговорщиков, взалев рассуждавших о конституциях и цареубийствах на ночных попойках, когда дошло до дела, перетрусилась и попряталась по домам. Солдат подло обманули – воспользовались тем, что сперва присягали отречьемуся Константину Александровичу, а присягу Николаю Александровичу объявили незаконной. Бесцельное стояние на Сенатской площади было вызвано не только растерянностью, но и тем, что против царя солдаты и матросы не пошли бы. День был морозным, нижние чины в строю отчаянно мерзли, стояли голодными. Хотя офицерам, понятно, денщики и шубы расстарались доставить, и что-нибудь «для сугреву». Если и было в восстании что-либо героическое, то только смелость генерала Милорадовича, поехавшего уговаривать бунтовщиков и исподтишка застреленного Каховским. И поведение Николая I, решительно возглавившего подавление. Причем как только запахло жареным, большинство офицеров сбежало, бросив подчиненных на произвол судьбы.

Быстрая ликвидация заговора и массовые аресты объяснялись тем, что пойманные декабристы сразу начинали закладывать всех друзей и знакомых. Многих оговорили невиновно, потом их отпускали. Наказание по тяжести совершенного преступления – военный бунт, попытка переворота, значительные человеческие жертвы – никак нельзя назвать чрезмерно суровым. Казнили всего пятерых, главных зачинщиков. Нижних чинов и часть офицеров, вовлеченных в мятеж, даже не исключили из гвардии. Из них составили лейб-гвардии Сводный полк и отправили на Кавказ, искупать вину в боях. Тех, кто очутился «во глубине сибирских

руд», непосильной работой не замучивали, в рудниках они трудились по 3 часа в день [148]. А большинство осужденных попало в ссылки. Или со временем переводились с каторги на поселение. Могли получать землю, трудиться – если было желание. Если не было, могли прожить и на пособие от казны. Некоторые, как братья Бестужевы, стали богатыми сибирскими предпринимателями. Другие писали прошения, чтобы их взяли служить солдатами. Но служили, конечно, не в таких условиях, как обычные рядовые. Офицеры из чувства симпатий, по прежним знакомствам, предоставляли поблажки. И давали возможность отличиться, чтобы можно было произвести в прапорщики. После чего декабрист получал право выйти в отставку и ехал домой.

Но даже провал революции принес антироссийским силам огромную пользу. Заработал пропагандистский аппарат, создавая красивый миф о декабристах, окружая их блеском романтики и ореолом мучеников. На этом мифе стали воспитываться новые поколения. И вылепленные яркие суррогаты оказались такими стойкими, что их хватило даже на нашу с вами долю.

Запад исподтишка продолжал сеять в России семена разрушительных идей и поддерживать то, что выросло из них. Революционеры всех мастей получали за рубежом политическое убежище. В Париже угнездились многочисленные колонии польских сепаратистов. В Лондоне очень удобно устроился Герцен. Получал из неизвестных источников вполне достаточные средства, чтобы не испытывать материальной нужды, безбедно жить, издавать и пересылать на родину «Колокол». Но все оппозиционные движения, «модные» интеллектуальные веяния оказывались четко связаны с политикой западных держав. Англичане финансировали кавказских горцев, посылали корабли с полными трюмами оружия – только из-за этого тяжелая кавказская война затянулась более чем на полвека. И в то же самое время российская «прогрессивная общественность» поливала грязью наши кавказские войска, защищавшие мирное население от горских набегов. Раздуваемые в светских салонах вопли возмущения приводили к снятию со своих постов Ермолова, Власова, Вельяминова и других лучших военачальников, что, в свою очередь, тоже мешало завершить войну [180].

Ну а Франция раз за разом инициировала восстания поляков – и горячие симпатии к ним изливала не только европейская пресса. Те же настроения внедрялись и в российские «передовые» круги. Когда в 1831 г. вспыхнул очередной мятеж с резней русских, а Пушкин осмелился ответить на западные идеологические атаки стихотворениями «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», отечественная «общественность» обрушилась на него с негодованием и презрением. Надо ж, какой дурной тон – до патриотизма докатился! Аналогичная картина была во время восстания 1863 г. «Диктатор» Мерославский руководил им из Парижа, во Франции открыто вербовали добровольцев в ряды мятежников, в Польшу из-за границы хлынули транспорты бельгийских винтовок. Инсургенты тысячами истребляли русских, замучивали пытками пленных, а Герцен захлебывался истерическими статьями, писал в «Колоколе»: «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!» – и призывал Запад к объединенному крестовому походу против своего Отечества [180]. Что ж, денежки нужно отрабатывать...

Конечно, российская власть пыталась противостоять разрушительным влияниям. После восстания декабристов энергичный Николай I провел колоссальную работу по оздоровлению страны – за что его и облили клеветой последующие «прогрессивные» историки. Результаты были обнадеживающие. Укрепилось не только внутреннее состояние России, наша страна стала мощным стабилизирующим фактором для всего мирового сообщества. В 1848 г. революционный пожар охватил Францию, Италию, Австро-Венгрию, Германию. Спас Европу от губительного хаоса русский царь. По слезным мольбам австрийского императора Франца-Иосифа он двинул в Венгрию войска, за месяц разгромившие бунтовщиков. В Германии революционеры перепугались, что и к ним нагрянут «казаки», и прусский король при поддержке русской дипломатии сумел взять ситуацию под контроль. А Австрия, высвободив силы из Венгрии, смогла подавить революцию в Италии.

Но эти же события показали мировым закулисным силам, что Россия является главным препятствием для их планов. И всего через 5 лет после революционной бури против нашей страны выступил тайно сколоченный военный блок Англии, Франции, Турции, Сардинии (Сев. Италия), к нему готова была примкнуть и спасенная царем Австро-Венгрия. Планы вынашивались грандиознейшие. Разгромив русских, восстановить независимую Польшу (и отдать ей Украину, Белоруссию, Литву). Отчленив в пользу Турции Закавказье, Крым. На Северном Кавказе создать «халифат» Шамиля, включив в него Кубань, Ставрополье, Терек [45]... Врагов горячо поддержали революционные круги. Маркс и Энгельс объявили Россию главным противником европейского социализма. И Энгельс доказывал, что даже султанская Турция в войне против русских заслуживает всемерной поддержки, так как «субъективно реакционная сила может во внешней политике выполнять объективно революционную миссию».

Однако внутри нашей страны предательство еще не нашло опоры. А сама Россия оставалась могучей державой. Сражаясь против почти всей Европы, она войну отнюдь не проиграла! Ценой огромных жертв неприятелям удалось захватить даже не Крым, даже не Севастополь, а всего лишь часть его, Южную сторону. На кавказском фронте русские одержали победы, овладели Карсом и еще рядом городов. На Балтике, Белом море, Камчатке атаки врагов были отбиты, в заливе Кастри адмирал Завойко разгромил британскую эскадру... Нет, Россия проиграла не сражения. Но она, очутившись в международной изоляции, проиграла дипломатическую войну. И информационную. Зарубежной публике и нашей верхушке общества массивная западная пропаганда *внушила*, что Россия «отсталая», и что с оставлением Южной стороны Севастополя война проиграна. Правда, и о прежних планах расчленения «победителям» пришлось забыть. Удовлетвориться тем, что Россия признала себя проигравшей и согласилась на ряд уступок.

Повлияла и смерть Николая I. А в то время, когда он силился упрочить государственность, либералы-масоны постарались прибрать под свое влияние наследника престола, Александра Николаевича. И после войны подтолкнули его к радикальным реформам по преодолению мнимой «отсталости». Преобразования отнюдь не ограничились освобождением крестьян – которое, кстати, было подготовлено многочисленными предварительными мерами еще в царствование Николая I и предполагалось осуществить более гибко, чтобы избежать случившихся перекосов и потрясений. Военная реформа в том виде, в котором ее взялся осуществлять масон Милютин, чуть вообще не развалила армию. Покатались судебная, земская, просветительская реформы, сопровождавшиеся разгулом хищничества и «приватизаций». Обратите внимание и на продажу Аляски – это была самая «первая ласточка» добровольной отдачи своих территорий. Все последующие российские «реформаторы» будут делать то же самое. Произошли первые попытки «расказачивания», прокатилась волна фактических гонений на Церковь с урезанием и ужиманием ее прав, отторжением под разными предлогами собственности, повсеместным закрытием церковноприходских школ.

А провозглашенные в стране «устность» и «гласность» открыли зеленую улицу для распространения опасных идей. Впрочем, первое после декабристов массовое движение, народников, оказалось совершенно нежизнеспособным. Космополитизированные дворяне и интеллигенты, нахватавшиеся революционных теорий, чувствовали себя как дома во Франции и Германии – но совершенно не знали России, были для нее «чужими». И когда они «пошли в народ», дабы «будить» его на борьбу, крестьяне без долгих слов вязали их и сдавали в полицию. И тогда были взяты на вооружение методы террора...

Александр II, озабоченный революционной раскачкой, пробовал нормализовать ситуацию. Но сделать ничего не смог. Первые же неуверенные шаги по стабилизации вызвали вопли «общественности» о «реакции», о «возврате всех ужасов николаевщины». И царь снова пошел на поводу у своего либерального окружения. Министром внутренних дел и председателем Верховной комиссии по борьбе с терроризмом был назначен один из главных «реформа-

торов» масон М. Т. Лорис-Меликов. Но «борьбу» он развернул весьма странно – упразднил Охранное отделение (тайную полицию), амнистировал политзаключенных, вернул в университеты исключенных неблагонадежных студентов... Результаты сказались быстро. 1 марта 1882 г. Александр II был убит террористами-народовольцами.

Восшедший на престол Александр III резко развернул руль государства, накренившегося в революцию. Манифест по введению либеральной конституции, уже подготовленный «реформаторами», он похерил, самих их отправил в отставки. И государственными делами взялся заниматься лично, а главным советником царя стал обер-прокурор Синода Победоносцев. Революционеры были раздавлены, права распоясавшейся «общественности» урезаны. Снова, как и при Николае I, опора делалась на устои Православия, самодержавия, народности. Но в 1894 г. Александр III умер. Власть перешла к его сыну Николаю Александровичу. Не обладавшему волевыми качествами отца, человеку мягкому, ранимому, склонному к сомнениям и компромиссам. И на Россию началась очередная атака...

2. Кто становился революционерами

Катился к закату XIX век. Впереди лежал XX, который виделся многим веком всеобщего благополучия и процветания. Ведь ему предстояло быть «веком разума». И казалось, что такие прогнозы вполне реальны. Человеческий разум преобразовывал мир буквально на глазах. Воплощались в жизнь самые смелые фантазии Жюль Верна. На смену пару шло электричество. Тарахтели первые подобию автомашин. Люди начинали проникать в глубины морей, подниматься в воздух. Конечно же, недалек был и день полета из пушки на Луну – почему бы и нет, пушки-то изготавливались все крупнее и все совершеннее. Правда, молодой и наивный русский царь Николай II предлагал созвать конференцию по всемирному разоружению. Однако это, ясное дело, было лишь признаком русской глупости и отсталости. Ну да человеческий разум и без таких инициатив должен был сделать жизнь мирной и безопасной. Разве просвещенные, высокообразованные политики разных стран не сумеют договориться и разрешить любые противоречия? Разум преобразует мир. Внедрит совершенные государственные устройства. Покорит природу. Сумеет накормить и благоустроить все человечество. И это будет разумно. Никаких причин для конфликтов вообще не останется.

Мир менялся. Отважные и благородные жюльверновские путешественники проникали в неизведанные страны. На карте Земли исчезали последние «белые пятна». И окрашивались в цвета Англии, Франции, Германии. И это тоже было разумно. Европейцы более ученые и просвещенные – значит, они должны руководить африканцами и азиатами, учить их цивилизации. Учить не совсем бесплатно? Но кто из учителей работает бесплатно? Это же мелочи по сравнению с благами просвещения, которые получают взамен ученики.

Мир менялся. Появлялись все новые предметы обихода, удобства, технические устройства. Ученые то и дело совершали великие открытия, инженеры внедряли остроумные изобретения. В разных областях наук проявлялись все новые гениальные мыслители – Дарвин, Эйнштейн, Маркс, Фрейд, опрокидывая фундаменты прежних теорий и раскрывая перед человечеством новые перспективы. Огюст Ренан переписывал Евангелия и Деяния Апостолов, разъясняя изложенные в них события с рациональной точки зрения. И это было разумно. Разве солидно для просвещенного человека верить в чудеса? Книжки Ренана пропагандировались, становились бестселлерами, переводились на разные языки.

Мир менялся. Звучали новые мелодии. Бурлили свежие литературные и поэтические традиции. Художники экспериментировали с абстракцией – зачем копировать то, что может быть передано фотоснимком? А в парижских театрах смело и чувственно сверкали тела полуголых танцовщиц. И это также было разумно. Почему не получать удовольствие от зрелища, которое и впрямь доставляет удовольствие? Правда, на германских таможах строгие чиновники отбирали французские фотографии и картинки не только обнаженных девиц, а даже с чуть задранной юбкой. Но в Германии было много другого разумного. Лучшие врачи, аккуратнейшие инженеры и техники, всезнающие профессора, философия Шопенгауэра, Шпенглера, Ницше...

Какой же подходила Россия к рубежу столетий? Ну, байки об отсталости и забитости мы сразу отбросим. Они рождались и распространялись в ходе тех же самых информационных войн, которые велись нашими противниками и с Западом, вместе с другими «прогрессивными» идеями, внедрялись в российское общественное сознание. Вот и сложился устойчивый исторический «штамп». Хотя судите сами, разве могла бы «отсталая» страна не проиграть в течение 300 лет ни одной войны? Если в середине XIX в., в эпоху Николая I, действительно наблюдалось некоторое научно-техническое и промышленное опережение Англии и Франции, то объяснялось оно отнюдь не более «прогрессивным» общественно-политическим устройством, а куда более прозаическим фактором – ограблением колоний [177]. Да и это опережение не

было значительным. Как раз во времена Николая I в России стали строиться железные дороги, появились первые пароходы – в то же время, и как за рубежом. Более низкие темпы индустриализации позволяли нашей стране избежать перекосов и бедствий, характерных для Запада: кризисов, безработицы, возникновения городских трущоб, морального разложения, развитой преступности. Наконец, в царствование Николая I создавался подготовительный задел и шло накопление ресурсов для последующего рывка.

Старт ему дали реформы Александра II. И был он чрезвычайно бурным. Средние ежегодные темпы экономического роста составляли 5–8 %. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10–12 раз, а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Так, химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля – почти в 700 раз, нефти – почти в 1500 раз. Вся огромная страна покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, нефтепромыслы Баку и Грозного. К рубежу XIX–XX вв. Россия создала крупнейшую и лучшую в мире нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность. 94 % нефти перерабатывалось внутри страны, продукция славилась своим качеством и дешевизной. Быстро развивалось машиностроение. 63 % промышленного оборудования изготовлялось на отечественных предприятиях. Строились такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, разрастались и модернизировались заводы тульские и уральские. Сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмоскowie, Иванове, Лодзи и т. п. Текстильная продукция полностью обеспечивала саму Россию, лидировала в Европе, экспорт ее в Китай и Иран превышал британский [105, 145, 178].

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность ничуть не уступали. В нашей стране насчитывалось 21 млн. лошадей (всего в мире – 75 млн.). 60 % крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. Она прочно удерживала первое место в мире по производству и экспорту зерна, одно из ведущих мест по выпуску сахара. И вообще на мировом рынке продовольствия являлась абсолютным лидером. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России. Достигнутые показатели экономического развития были отнюдь не предельными. Новые перспективы сулило строительство Транссибирской магистрали, начавшееся в 1891 г. Оно открывало широкий доступ к освоению неисчерпаемых природных богатств Сибири и Дальнего Востока, к дальнейшему заселению этих регионов, выводило Россию к незамерзающим тихоокеанским портам.

По темпам роста промышленной продукции и роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив США – которые также переживали период бурного подъема. По объему производства наша страна занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, вот эти цифры являются пропагандистской подтасовкой. Потому что в системы экономики западных держав были включены и их колонии (или, как у США, сырьевые придатки). За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний и придатков, конечно же, в расчет не принимались. И если бы, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана, Южной Африки и т. д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

В трудах зарубежных исследователей есть еще одна подтасовка, позже попавшая в работы историков. Об уровне образования и грамотности. Для западных держав эти показатели тоже не учитывали жителей колоний. А для России принималось в расчет все население, включая Среднюю Азию, Кавказ, степные и сибирские племена. Допускалась и другая подтасовка. Когда западные статистики оценивали уровень грамотности в России в 30 %, они оперировали количеством выпускников гимназий, реальных и кадетских училищ, земских школ. Но не учитывали церковные. А при Александре III Церковь стала получать значительные государственные дотации на образовательные цели, возрождались церковно-приходские школы, их число

сравнялось со светскими. В приходах создавались церковные библиотеки. По ведомству Святейшего Синода стали организовываться и «школы грамоты», где преподавали православные учителя-миряне. И как раз церковные школы заканчивали почти все деревенские мальчики и девочки, обучаясь там читать, писать, считать.

Наша страна была могущественной, динамичной, а народ здоровым и весьма энергичным. Население России к началу XX в. достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой – 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было не чем-то экстраординарным, а обычным делом. А уж многодетными считали таких, кто произвел на свет 12–14 ребятишек. Правда, и смертность в раннем возрасте была высокой. Но большое количество детей сглаживало потери, православная вера помогала переносить их. И, согласитесь, это не одно и то же – иметь 6 детей, из которых выживут 4, зато самые сильные и здоровые. Или иметь 1 ребенка, оберегая его от сквозняков, усилий, тяжелой работы и превращая в иждивенца. (Кстати, и сам факт, что детская смертность была выше, чем сейчас – подтасовка. Нынешние цифры смертности не учитывают аборты). По прогнозам Менделеева, население нашей страны во второй половине XX в. должно было достичь 600 млн. [105].

Однако стремительный экономический прогресс имел не только положительные стороны. Точно так же, как прежде это было в западных государствах, набирали вес крупные предприниматели и финансисты. Жирели и усиливались под эгидой самодержавия, на правительственных заказах, пользуясь стабильностью и порядком, которые поддерживал царь. А дальше, аналогично воротилам Запада, у них возникало желание самим дорваться до власти. Избавиться от тормоза и контроля, мешающего грести все, что плохо лежит. И наоборот, переустроить государство так, чтобы служило в первую очередь их интересам. В результате банкиры и промышленники превращались в фундамент оппозиции царской власти. Но в России эти процессы имели и свою специфику. Отечественные тузы слепо перенимали западные теории либерализма, видели естественных союзников в зарубежных коллегах и политиках. Хотя иностранные деловые и политические круги являлись врагами не только русской монархии, а России как таковой. Она же была их главным конкурентом!

Еще одним побочным явлением резкого промышленного подъема стал быстрый рост числа рабочих. Людей, оторвавшихся от крестьянской общины, привычного уклада, традиций и далеко не сразу входивших в новую для себя колею. Кстати, средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй по величине в мире (после США). Но это средняя. Были квалифицированные мастера, получавшие высокие оклады. А были и чернорабочие. И очень умножилось число люмпенов – тех, кто вышел из прежней, крестьянской среды, но не сумел полноценно войти в рабочую. Жили одним днем, пропивая случайные заработки. Скатывались в преступный мир. И становились благодатной почвой для смутьянов, агитаторов, подстрекателей. Если не для качества, то для количества.

И густые побочные плевелы давала система образования. Она ведь еще с начала XIX в. целенаправленно отравлялась ядом западничества. Несколько раз власть пробовала навести порядок в этой области, усиливала контроль – при Николае I, Александре III. Но даже и в такие периоды основа образовательных программ оставалась западной. А при послаблениях осуществлялись очередные вбросы чужеродных идей. В результате само понятие «просвещенности» стало отождествляться с либерализмом. А прослыть «ретроградом» и «мракобесом», конечно, не хотелось никому. Студенты вместе с естественными и гуманитарными науками перенимали «европейские» стереотипы мышления. Получали стойкие убеждения о неполноценности собственного государства и необходимости его переделок по западным образцам. А когда становились преподавателями, несли подобное «просвещение» собственным ученикам.

Россия цвела и богатела, но все это воспринималось как нечто ненастоящее, душное, «реакционное». И интеллектуалы рвались в Европу. Люди-то были не бедные, рубль за рубли

жом котировался высоко. Ехали во Францию – «подышать воздухом свободы», повосхищаться (ну и «оттянуться»). Ехали в Германию полечиться в здешних клиниках, дополнить образование в здешних университетах. Заодно старались почерпнуть социалистических теорий, порыться в заграничных книжных развалах с запрещенной в России порнографической и политической литературой. Ехали и в Швейцарию, где расположился крупный центр российской политической эмиграции «Освобождение труда» во главе с Плехановым. Стремились увидеть кумира, послушать его. Это было так же свежо, остро, пикантно, как поглазеть на парижских раздетых танцовщиц. Этим можно было похвастать на родине, повесить свой рейтинг среди знакомых.

Впрочем, сами-то рабочие и крестьяне, чей труд жаждали «освободить» революционеры, оставались к их идеям мало восприимчивы. И в 1890-х гг. пропагандисты снова «пошла в народ», мутить и раскачивать его. Но теперь действовали умнее. Агитацию вели не среди крестьян, а среди рабочих. И опять же, через систему образования. Начали создаваться всевозможные «рабочие кружки», воскресные и вечерние школы. Возникали они с ведома директоров заводов, поощрялись ими. Выделялись и оплачивались помещения. В организации участвовали инженеры, представители администрации, а то и сами хозяева. Многие из них сочувствовали революционерам, другие просто считали образование рабочих полезным. А учителями становились студенты, выпускницы женских курсов и институтов, многие из которых уже были вовлечены в революционные организации. Словом, в 1860-х народник приходил в деревню никому не известный, был «белой вороной», заведомо вызывая настороженность своим неординарным поведением – а в 1890-х рабочих созывали к агитатору. Свое же заводское начальство представляло его как человека, у которого есть чему поучиться.

И «учителя» с «учительницами» старались. Давали уроки русского языка, арифметики, литературы, вплетая в них пропаганду атеизма, социализма, ненависти. Как вспоминает Н. К. Крупская, «говорить в школе можно было, в сущности, обо всем... надо было только не употреблять страшных слов «царь», «стачка» и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов» [86]. Эффективность, естественно, была невысока. Ведь рабочие приходили в школы и на курсы вовсе не для того, чтобы включиться в «борьбу с самодержавием», а всего лишь из желания повысить свой уровень, прибавить знаний, это могло пригодиться и в будничной жизни, и для карьеры.

Но кое-что «учителям» удавалось. Они имели легальный доступ к рабочей массе, изучали ее, намечали подходящие кандидатуры и обрабатывали дополнительно. Или пропаганда действовала на людей, уже имевших определенную слабину. Услышит, например, подобный работяга от «просвещенных» наставников, что «бога нет» – и ему это нравится из практических соображений. Значит, можно со спокойной совестью напиться в страстную пятницу, бросить жену, украсть. Такие тоже были нужны революционерам. Пригодятся. А кому-то из лихих парней западала мысль получить в объятия «благородную» учительницу. Что ж, и этот метод для привлечения к революции тоже применялся. Некоторые преподавательницы не отказывали. Сексуальные связи вписывались в рамки «свобод», помогали «сближению с рабочим классом». Ну а соблазненный становился «рыцарем» не только своей дамы, но и ее идей.

Из кого и какими путями формировались ряды профессиональных революционеров? Разумеется, в рамках одной книги было бы невозможно, да и не нужно пересказывать многочисленные биографии. Рассмотрим жизненный путь хотя бы некоторых. Допустим, самая известная фигура, Владимир Ильич Ульянов. Определяющее влияние на него оказала мать, Мария Александровна Ульянова (урожденная Бланк). Она происходила из семьи шведских евреев – по этой причине, судя по всему, у нее выработалась стойкая неприязнь к России, ее порядкам и традициям. Отец рано умер, хотя после него семья получила приличную пенсию. Воспитанием детей занималась мать. Всех она сумела сделать яркими атеистами. Все, кроме безвременно умершей Ольги, стали активными революционерами – Александр, Владимир,

Мария, Анна, Дмитрий. Мать настолько была убеждена в правильности своей линии, что даже казнь старшего сына восприняла стойко и сдержанно. Ленин вспоминал: «У нее громадная сила воли, если бы с братом это случилось, когда отец был жив, не знаю, что и было бы»[86]. Она и дальше оставалась внепартийным, но упорным бойцом. Ходила на свидания в тюрьмы то к одному, то к другому из своих чад, носила передачи, совещалась с адвокатами.

Владимир Ильич был озлоблен казнью любимого брата. И очень оскорблен тем, что симбирское общество отвернулось от родственников несостоявшегося цареубийцы. Но в царской России семья преступника преследованиям не подвергалась. Она продолжала получать пенсию, все дети поступили в высшие учебные заведения. А если Владимира исключили из Казанского университета, то вовсе не в напоминание о преступлении Александра, а за то, что сам пошел по его стопам, участвуя в студенческой сходке. Впрочем, никто не помешал завершить образование экстерном и стать юристом. Кстати, очень многие оппозиционеры стремились получить именно юридическое образование, профессия адвоката считалась самой «революционной». В 1893 г. Ульянов перебрался в столицу, включился в работу марксистских кружков. Это было можно, вполне легально, даже в «реакционные» времена Александра III изучение марксизма и других левых теорий не возбранялось. Наказывались только конкретные уголовные преступления – терроризм, организация беспорядков, создание тайных антиправительственных организаций и пр.

В Петербурге Ульянов стал преподавать в рабочих школах. Познакомился и близко сошелся с еще одной молоденькой и миловидной (в то время) преподавательницей, Надеждой Константиновной Крупской. Ее нацелила на путь революции тоже мать, Елизавета Васильевна (урожденная Фишман, отсюда и партийная кличка Крупской – Рыбка). Она, как и мать Ульянова, рано овдовела. Воспитывала единственную дочь, ставшую атеисткой и социалисткой, и целиком связала себя с деятельностью Нади, всюду сопровождала ее. В петербургской социал-демократической организации собрались многие видные фигуры будущих революций. Инженеры Красин и Классон – участвовавшие в создании рабочих школ, Мартов (Цедербаум), Смидович, Потресов. Существовали и другие группы социалистов – «обезьяны», «петухи».

Но все эти структуры были малочисленными. И, если уж разобраться, занимались сущей чепухой. Писались брошюры – размножавшиеся перепиской друг у друга. Крупская вспоминала, что долгое время изучали по рукописному переводу книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». А Ульянов проходил в школе с рабочими «Капитал» Маркса, зачитывая и объясняя его. Насколько результативной могла быть такая работа, вы можете оценить сами: попробуйте открыть «Капитал», почитать. И посмотрите, на сколько страниц вас хватит. Энергичный Ульянов пытался развивать и конспиративную деятельность. Разрабатывал «связи», вводил «заместителей» на случай арестов, шифры. Но связи и заместители оставались пустой игрой, потому что в узком кругу все друг друга знали. А когда экспериментировали с шифровками, не могли их расшифровать. Вероятно, Ульянов осознавал, что подобная деятельность никуда не годится. И летом 1895 г. отправился за границу.

Посетил Германию и Швейцарию. С кем он встречался в Берлине, остается тайной. А в Швейцарии познакомился с Плехановым и его соратниками – Аксельродом, Засулич. Получил какие-то уроки, чемодан с двойным дном, набитый литературой, и окрыленный вернулся в Россию, собрался издавать газету «Рабочее дело». Однако и российское Охранное отделение хорошо работало. В окружении Плеханова оно имело своих агентов. И, уж конечно, визит брата казненного террориста не мог остаться незамеченным. В Питере его с литературой почти сразу и взяли. Хотя преступление казалось несерьезным, законы были мягкими. Отделался ссылкой в Шушенское. Ну а столичная социал-демократическая организация сумела организовать единственную стачку текстильщиков – в 1896 г. И еще часть революционеров посадили. В 1898 г. в Петроградской организации осталось... 4 человека. В это время в Минске решили провести I съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В домик на

городской окраине съехалось 9 делегатов – от таких же «организаций», как столичная. Половина – из Бунда. Приняли «манифест». А потом всех и арестовали. И делегатов, и тех, кто их посылал. Всю социал-демократическую сеть в стране ликвидировали быстро и без проблем.

Правда, при этом она никуда не делась. Революционеров, опять же, отправили по ссылкам, то бишь просто переместили несколько восточнее. Например, Крупскую сослали в Уфу. Но она предпочла поехать к любовнику в Шушенское. Для чего объявила себя невестой Ульянова. Могли бы и официальный брак заключить, революционеры в тюрьмах женились сплошь и рядом. Но браки в России были только церковными, Ульянов и Крупская значились по документам «православными», пришлось бы венчаться. А насчет религиозных обрядов, даже пусть для видимости, оба проявили абсолютную принципиальность. Ну ничего, сошло и «невестой». Высказала желание – и покатила вместе со своей матерью.

Некоторые приходили в революцию иными путями – скажем, Александра Коллонтай.

В современных книгах и передачах ее почему-то рисуют эдакой роковой красавицей, женщиной-«вамп», романтической «рабой любви». Ничего сходного с действительным этот образ не имеет. Вся ее «роковая» сущность заключалась только в том, что она была «иудой в женском облике». На своем пути она умудрилась предать абсолютно всех, кто с ней был связан! Она родилась в богатой аристократической семье. Отец – генерал и дипломат Михаил Довмонтович, автор либеральной конституции для Болгарии, любимец военного министра масона Милютина. Жили на широкую ногу, только многочисленной прислуге платили 3–5 тыс. руб. в месяц. За обеденный стол вместе с приглашенными редко садилось меньше 15 человек. И на Александру заметное влияние оказала мать. Но не такое, как на Ульянова и Крупскую. Полуфранцуженка-полуфинка, она славилась скандальным поведением. И дети росли «свободными». Сестра Александры Евгения избрала путь, позорный для высшего света, стала актрисой итальянского театра.

И Александра старалась не отставать. С детства она испытывала повышенный интерес к сексуальным вопросам, за деньги и подарки соблазняла мальчиков из прислуги. Потом научилась крутить мозги молодым людям своего круга. Один из них, Иван Драгомиров, глупый сын прославленного генерала, из-за этого застрелился, что чрезвычайно подняло Александру в собственных глазах. В 21 год вышла замуж за инженера Владимира Коллонтая, родила сына. Жила безбедно, все работы по дому и уход за ребенком вывозила прислуга. Но Александре это быстро наскучило. Стала беситься с жиру. Шлялась по обществам естествоиспытателей, благотворителей, рабочим школам, где познакомилась со Стасовой, притащившей ее в социал-демократический кружок. Написала рассказ, не опубликовали – обиделась, закатила истерику и зареклась писать. Наставляла мужу рога с его другом. Супруг знал об этом, но настолько любил жену, что мирился с ее увлечениями. Так и жили «втроем».

Нет, Александре и этого показалось мало, она сочла семейную жизнь «закрепощением». И в 1898 г. рванула за границу «учиться социализму». Не удосужившись не то что распрощаться с мужем, а хотя бы оставить ему записку. Написала лишь с пограничной станции Вержболово. Эгоизм зашкаливал уже до такой степени, что она даже в этой ситуации жалела... только себя! Писала подруге: «Пусть мое сердце разорвется от горя из-за того, что я потеряю любовь Коллонтая, но ведь у меня есть другие задачи в жизни, важнее семейного счастья» [72]. А о том, какое потрясение испытали муж и четырехлетний сын, когда она вдруг исчезла без следа, ей попросту в голову не приходило. Она об этом даже не задумывалась. За границей, впрочем, не бедствовала, отец ее успел разориться, но высылал немалое по тем временам содержание, по 200 руб. в месяц. Вот и колесила то в Швейцарию, то в Англию. В Женеве познакомилась с Плехановым и с ходу окрутила его, сделала своим любовником. Из спортивного интереса – это же не каждой дано, заполучить в постель лидера российской социал-демократии! Как видим, и сама подобная социал-демократия особой опасности для России не представляла и не могла представлять. Если бы...

3. А что такое – «интернационал»?

«Молодой человек, на что вы рассчитываете, ведь перед вами стена!» «Стена – да гнилая, ткни – она и развалится». Так, вроде бы, ответил Владимир Ульянов жандарму при первом своем аресте. Эта история была хрестоматийной в советских учебниках. Мы не знаем, действительно ли она имела место, ведь про Владимира Ильича очень многое напридумывали. Хотя может быть, подобный диалог и впрямь состоялся. Но если так, то молодой Ульянов погорячился. Стена была еще вовсе не трухлявой, а мощной и монументальной. И как раз поэтому она слишком многим мешала. Не слабость России, а ее сила вызывали вражду к ней.

В дополнение к прежним противникам появлялись новые. В 1860–1870-х гг. Пруссия объединила вокруг себя германские государства и возникла империя Гогенцоллернов. Возникла под гром пушек, разгромив датчан, австрийцев, французов. Рождению Германской империи немало помогла Россия, видя в ней противовес Франции и Англии. Но Германия стала весьма агрессивной державой. Огромные репарации, полученные от Франции, помогли создать мощную промышленную базу. Милитаризация обеспечивала дисциплину и единение общества, предотвращала социальные конфликты. Иллюзии непобедимости кружили головы, рождались претензии на европейское и мировое господство.

А главным препятствием для таких проектов была Россия. Уже с 1871 г. германский генштаб разрабатывал планы войны с русскими. Был заключен блок с Австро-Венгрией, потом в германскую орбиту начала втягиваться Турция. Предотвратить общеевропейскую войну удалось лишь заключением союза между Россией и Францией. Однако и прежние противоречия, русско-английские и русско-французские, никуда не делись. Альянс оставался очень ненадежным. Например, в 1878 г., стоило лишь России разгромить Турцию, против нее снова выступил единый фронт западных держав: Англия, Австро-Венгрия, Германия (которой русские только что помогли объединиться) и Франция (которую русские только что спасли от немцев, желавших добить ее) [45].

К началу XX в. на арену соперничества за мировую гегемонию начала выходить еще одна держава – США. Быстро усиливалась и Япония. И очередная волна неприязни к нашей стране стала нарастать в связи с усилением России, национальной политикой Александра III. Роль катализатора этих процессов сыграло строительство Транссибирской магистрали. Во-первых, оно сулило России новый рывок развития и процветания. Во-вторых, встревожились англичане, считавшие себя хозяевами в Китае и монополизировавшие морские перевозки между Восточной Азией и Европой – Транссибирская магистраль перечеркивала эту монополию, по ней перевозка грузов пошла бы втрое быстрее и втрое дешевле. В-третьих, очень озаботились банковские и промышленные круги Америки – Россия становилась для них опасным конкурентом. Разумеется, озаботились и японцы.

Причем надо отметить, что к концу XIX – началу XX вв. уже сложился своеобразный «финансовый интернационал». Крупные банкиры в разных странах переплетались родственными узами, деловыми связями, компаньонством в тех или иных фирмах. Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии делами ворочали различные ветви клана Ротшильдов. Они были связаны с британскими Мильнерами, германскими Варбургами. Варбурги были в родстве с российскими банкирами Гинзбургами и т. д. И различные звенья «финансового интернационала» имели огромное влияние на правительства своих стран. В то время на Западе подобные взаимоотношения даже не скрывались. Банкиры и крупные промышленники имели прямые выходы на министров и глав государств. Часто они нуждались в правительственной поддержке против иностранных конкурентов и получали ее. Государство помогало обеспечить их выгодными заказами, рынками сбыта. Например, дополняя военный союз с другой державой торговыми договорами – о закупках союзницей товаров у тех или иных фирм.

Но и само государство проводило свою политику с помощью банкиров. Привлекало их вложения для производства оружия, строительства флотов, крепостей, важных отраслей промышленности и транспорта. Или для предоставления займов «нужным» союзникам. При этом банкиры задействовали средства частных граждан – выпускали и продавали с выгодой для себя облигации займов. А чтобы облигации стали привлекательными и росли в цене, банки через подконтрольную им прессу подправляли «общественное мнение». В результате граждане, купившие ценные бумаги, начинали симпатизировать стране, которой предоставлен заем, считать ее другом своей родины, желать успехов. Ведь от тех же успехов зависел и курс приобретенных облигаций. Таким образом, само «общественное мнение» оказывалось зависимым от стратегии и выгод банковских кругов.

Однако «финансовый интернационал», как бы парадоксально это ни звучало, был тесно связан и с социалистическим. Банкиры считали полезным поддерживать социалистические партии. Видели в их программах выгодные для себя стороны. Могли через партийных лидеров оказывать давление на правительства, регулировать рабочее движение, нацеливая его в нужное для себя русло. Опять же через социалистов было удобно манипулировать «общественным мнением». Ну а партии и их лидеры нуждались в деньгах для своих изданий, аренды помещений, выборных кампаний. Потребность получалась взаимовыгодной. Хотя связи между социалистическими и банкирскими структурами оставались скрытыми – рабочая масса такого альянса могла «не понять». Связующими звеньями между теми и другими структурами являлись масонские ложи.

Получая подпитку из «закулисы», II (социалистический) Интернационал являлся отнюдь не слабой и не формальной организацией. Германские, австрийские, французские, английские социалистические круги занимали весомое место в парламентах своих держав, оказывали влияние на международную политику, сотрудничали между собой. Но Интернационал обладал еще одним ценнейшим качеством. С ним были связаны российские революционеры. Стало быть, через него можно было оказывать воздействие на обстановку внутри России! Причем в поддержке русских революционеров смыкались как иностранные социалисты, так и различные «общественные», благотворительные организации, за которыми стоял крупный капитал. Так, в США видные бизнесмены Дж. Кеннан, С. Клеманс, У.-Л. Гаррисон и др. создали в конце XIX в. организацию «Друзья русской свободы», ставившую целью оказание помощи «жертвам царизма» [139]. Подобные «общественные» структуры возникали в Голландии, Англии.

Стоит ли удивляться, что российские социалисты всегда могли неплохо устроиться за границей? Заметьте, никому из них, в отличие от будущих белоэмигрантов, не приходилось страдать без крыши над головой, ютиться по трущобам, подыхать от голода, зарабатывать на кусок хлеба грузчиками или проститутками. Все получали какие-нибудь дотации, подработки – не жирные (чего ж дармоедов баловать?), но достаточные для существования (когда-нибудь пригодятся). Многие русские эмигранты «по совместительству» вступали в социал-демократические партии других государств. Так, Александра Коллонтай стала членом социал-демократической партии Германии. Это давало заработок партийного функционера, гонорары за публикации в газетах. И позволяло раскатывать по разным странам на сборища феминисток, суфражисток, конгрессы, конференции, крутиться в калейдоскопе событий, постоянно разнообразить политические и сексуальные ощущения. Она приобретала известность в качестве самостоятельной величины, начала читать лекции. Правда, фабричные работницы несколько раз чуть ее не отлупили. Потому что в те времена даже на Западе большинство женщин были недостаточно «продвинутыми», чтобы спокойно выслушивать пропаганду «свободной любви» взамен семьи и брака.

Но у международной социал-демократии существовали контакты не только с банкирскими кругами. А еще и со спецслужбами своих стран. Ну а как же? Работа этих спецслужб нацеливалась против России. Западная социал-демократия тоже считала главным своим

врагом Россию. И имела связи с русскими антиправительственными организациями. Альянс напрашивался сам собой. Доказательства? Они лежат на поверхности. Только их почему-то старательно не замечают. Обратите внимание – ни один «политик», бежавший из России, не был задержан и привлечен к ответственности за нелегальный переход границы. Ни один не был арестован за проживание по поддельным документам. Могло ли это осуществляться без содействия спецслужб? Не было ни одного случая, чтобы пропагандистская литература и иные нелегальные грузы, которые переправлялись из эмиграции в Россию, были выявлены и захвачены иностранными таможенными и пограничниками. Перехватывали их только русские органы, если получалось. А уж добиться экстрадиции политических преступников западными государствами было настолько нереальной задачей, что в Петербурге махнули рукой и перестали предпринимать такие попытки.

Еще в 1895 г., когда Ульянов совершил турне по Германии и Швейцарии, он, вероятно, получил не только литературу и практические советы, а еще и деньги. Или, скорее, обещание помочь финансами. Иначе трудно объяснить, почему он, вернувшись из-за рубежа, сразу решил издавать газету – на издание требуются средства. Но действительная поддержка из-за рубежа началась позже. После того, как первые социал-демократические структуры, возникшие в России, показали свою полную нежизнеспособность и были разгромлены. Мировым антироссийским силам стало ясно, что стихийная «кружковщина» результатов не дает. И если требуется ослабить страну, процессом надо руководить извне.

Одной из ключевых фигур в этих операциях стал Виктор Адлер. Видный деятель австрийской и международной социал-демократии. Одновременно – «человек Ротшильдов». Одновременно – свой человек в правительственных кругах и в политической полиции Австро-Венгрии. Он стал «неофициально» курировать контакты международных социалистических кругов с русскими революционерами. И, как определили современные зарубежные исследователи, играл роль «отдела кадров». Изучал тех или иных российских социалистов, оценивал, насколько они перспективны, где и как их можно использовать, давал соответствующие рекомендации.

Другой важной фигурой явился Александр Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд). Сын крупного одесского торговца, он примкнул к социал-демократии, эмигрировал. За границей стал не только революционером, но и бизнесменом, имел несомненные коммерческие таланты. Быстро сколотил приличное состояние, обосновался в Мюнхене. Впрочем, для западных социал-демократических деятелей сочетание политики и бизнеса было обычным, многие из партийных лидеров становились акционерами банков, промышленных и торговых фирм. У Парвуса разные стороны его деятельности были связаны неразрывно. Он устраивал так, чтобы и участие в революционном движении приносило ему материальную прибыль. И не только в революционном. Парвус имел контакты со спецслужбами Германии и Англии. А чтобы коммерческие и политические дела шли более успешно, вступил в орден иллюминатов.

Это одно из самых радикальных направлений масонства. Орден был основан в 1776 г. баварским евреем Адамом Вейсгауптом. В буквальном переводе с латыни «иллюминаты» означает «просвещенные». Хотя не исключено и иное толкование: «люди света», «несущие свет» – а «князем света» в некоторых оккультных кругах величают антихриста. И может быть, не случайно, датой основания ордена и его праздника было выбрано 1 мая, магический «Мэй-дэй», Вальпургиева ночь. Кстати, от праздника иллюминатов пошел и «День международной солидарности трудящихся» -1 мая. Орден ставил задачи уничтожения монархий, религий, Церкви, интитутотв семьи и брака, слом всей традиционной системы ценностей. А также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ, упразднение национальностей. В отличие от других масонских организаций, иллюминаты широко привлекали женщин, считая их важным инструментом для достижения своих целей. Все члены ордена обязаны были иметь клички.

Вейсгаупт взял себе имя «Спартак» – отсюда и германские революционеры-«спартаковцы». А высокий, толстый Гельфанд стал Парвусом (по латыни – «маленький»).

И в начале 1900-х гг. в русском революционном движении стали происходить значительные перемены. Выискиваются и выдвигаются новые активисты – еще не именитые, даже и плохо разбирающиеся в марксистских теориях, главное, чтобы были толковыми организаторами-практиками. Начинается вовлечение в революцию уголовников. Организуется система побегов из Сибири. Побегов очень простых. Для них требовались только деньги, приличная одежда, документы. Нужно было быстро, пока не хватились местные власти, добраться до железной дороги, сесть в поезд, а дальше попробуй поймай! Беглец заранее получал маршрут, явки, в какой город ехать, к кому обратиться. Создать такую систему сами революционеры не могли, они были разобщены – социал-демократы, эсеры, анархисты, бундовцы, польские и прибалтийские сепаратисты и др. Система обслуживала всех. И задействованы в ней были сторонние организации: Красный Крест, либералы из земских структур. Все говорит о том, что придумывали и отлаживали систему побегов извне.

Создается и тайная служба по обеспечению нелегалов документами. В воспоминаниях революционеров иногда можно встретить указания, будто они доставали чистые бланки паспортов. Это неправда. Чистые бланки хранились в полиции, под учетом. Если бы и удалось их украсть, информация прошла бы по правоохранительным органам, вызвав повышенное внимание при проверках документах. Чистые бланки требовалось еще правильно оформить, да и вообще новенький паспорт сразу приметен. Ну а о правде революционеры помалкивали из соображений конспирации. И еще из-за того, что она выглядела не слишком красиво. Документы добывали врачи и персонал больниц, работники земской администрации. Похищали паспорта умерших. Уж их-то никто не хватится, никто не начнет шум поднимать. Пропал документ, да и ладно. Фотографий на паспортах еще не было, все штампы и подписи имелись. Эта система действовала централизованно, документы подбирались так, чтобы паспортные данные старого и нового владельцев максимально совпадали, остальное подправлялось путем подчисток. Между прочим, любопытно, что сами революционеры-нелегалы превращались таким образом в «живых мертвецов».

При реорганизации работы в России было обращено внимание и на структуры руководства. Прежний эмигрантский центр во главе с Плехановым для новых задач не годился. Он давным-давно был «засвечен», за ним присматривало Охранное отделение. Да и Плеханов, несмотря на признанное лидерство, был далеко не лучшим руководителем. Мэтр, теоретик, он совершенно оторвался и от России, и от реальной деятельности. Стал «самодостаточным», жил в мире собственных идей и построений. Почил на лаврах популярности. Ни малейшего влияния на процессы в России он не имел, не пытался его наладить, да и сами эти процессы интересовали его лишь в плане подтверждения его теорий. Социалисты, приезжавшие в Швейцарию с родины, старались непременно увидеться с лидером, рассказать ему о своих делах, посоветоваться. Но получали лишь пространные и отвлеченные теоретические рассуждения. А если вдруг оказывалось, что фактические события не соответствуют его построениям, Плеханов воспринимал это как личную обиду. Замыкался, дулся и прерывал разговор. Когда кто-то пытался не согласиться с ним, выразить иное мнение, злился: «Еще ваши папеньки и маменьки пешком под стол ходили, когда я...» [86].

Зарубежные силы Плеханова не отвергли, его еще можно было эксплуатировать, но за ним осталась только роль «знамени». А наряду со Швейцарией Парвус стал создавать другой центр, в Германии. Тщательно законспирированный. Были задействованы десятки «почтовых ящиков» в Германии, Австро-Венгрии, Италии, Англии. Пересылки с Россией осуществлялись через несколько пунктов. Например, корреспонденция приходит на имя солидного немецкого доктора, он пересылает ее владельцу чешской пивной, тот передает дальше. Крупская описывает, какая путаница возникала из-за подобной конспирации у еще неопытных русских рево-

люционеров – как Шляпников, Бабушкин, она сама, руководствуясь адресами переписки, заезжали не в те города, не в те государства. В общем, судя по всему, и в этой организации помогли специалисты западных спецслужб.

Требовались и кадры для нового центра. Одним из тех, на кого обратил внимание Парвус, стал Ульянов. Он отбывал наказание в Шушенском еще до того, как возникла система побегов, пришлось оставаться в ссылке весь срок. Впрочем, не страдал. При сибирской дешевизне содержания от казны, 8 руб. в месяц, хватало с лихвой. Приехали Крупская с матерью, для проживания сняли половину крестьянского дома. За бесценок наняли 13-летнюю девочку-прислугу – готовить, стирать, мыть полы (хотя, вроде бы, боролись против эксплуатации? А тем более, детского труда?) Крупская пишет: «Правда, обед и ужин бывал простоват – одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день... как съест – покупали на неделю мяса», говядины или телятины, «но молока и шанег было вволю». Изучали труды философов, экономистов, социалистов, переводили зарубежных авторов. Ездили в гости к ссыльным в другие села. Природа в Минусинском крае великолепная, Ульянов держал породистую собаку, часто ходил на охоту. Словом, бесплатный курорт. Живи, революционер, отдыхай, набирайся сил и здоровья для будущих подвигов.

В начале 1900 г. срок Ульянова истек, и из Сибири уехали. Крупская с мамашей остались в Уфе – Надежде Константиновне оставался еще год ссылки. Владимир Ильич из-за запрета жить в столицах остановился в Пскове – рядышком с Петербургом. Но задержался здесь лишь на пару месяцев. Почти сразу нашлись нужные контакты. Очевидно, не он, а его нашли. И он засобиравшись за рубеж. Перед отъездом чуть не влип. Заглянул в Петербург встретиться с Мартовым, и их арестовали. У Ульянова «в жилетке было 2 тысячи рублей... и записи связей с заграницей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы было написано чернилами что-то безразличное» [86]. Как видим, зарубежные «друзья» действовали четко. Крупной суммой денег снабдили, явками. Ну а жандармы на деньги и «безразличные» бумаги не обратили внимания. Мало ли откуда у человека деньги? Это не криминал. Поставили в вину лишь нарушение режима проживания, предупредили и выпустили.

И Владимир Ильич отправился на Запад. Выехал из России легально. Но дальше предполагалась конспиративная жизнь, и ему обеспечили второй паспорт – умершего дворянина Вологодской губернии Николая Ленина. Отсюда и псевдоним, затмивший настоящую фамилию. Псевдоним, запечатлевшийся потом в названиях городов, областей, площадей, улиц, метрополитена, молодежных организаций, на пьедесталах памятников и мраморе мавзолея...

Делом, ради которого привлекли Владимира Ильича, стало издание новой газеты «Искра». Плеханов строил проекты, что она должна будет выходить в Швейцарии, при его группе «Освобождение труда». Но Парвус считал иначе. Делать газету под Плеханова он не собиравшись, это было «пройденным этапом». Плеханов неизбежно диктовал бы направление работы, при нем не смогли бы выдвинуться другие, более радикальные лидеры, и получилась бы очередная теоретическая «пустышка». Под предлогом конспирации Парвус разместил редакцию у себя, в Мюнхене. А спорить с ним не приходилось. Через него зарубежные социал-демократические (и стоявшие за ними) круги вели финансирование газеты, он организовывал печатание в немецких типографиях. Была, конечно, и личная заинтересованность – часть поступающих средств «прилипала к рукам» Парвуса. Без этого он не мог.

Он реализовывал именно ту программу, которая была озвучена Лениным: газета должна была стать не только агитатором, но и «коллективным организатором». Создавалась сеть агентов «Искры» в Германии, Франции, Швейцарии, Бельгии. На их базе возник зародыш обновленной эмигрантской организации – Заграничная лига русской революционной социал-демократии. Организовывались каналы переправки газеты в Россию – через Псков, Киев, Ригу. А внутри России формировалась сеть штаб-квартир и корреспондентских пунктов, которые становились «заготовками» для развертывания парторганизаций. Кроме Ленина, Парвус привлек

в Мюнхен Мартова, Потресова, Засулич, Инну Смидович (Леман). В апреле 1901 г., отбыв срок ссылки, приехала сюда и Крупская. В дополнение к российским, всех их обеспечили еще и болгарскими паспортами. Все получали редакционные оклады, достаточные для проживания. Так, Ленин и Крупская смогли снять отдельную квартиру в Швабинге, элитном пригороде Мюнхена, где располагался особняк самого Парвуса. Ходили к нему в гости, дружили семьями. Хотя людьми были совершенно разными. Парвус любил ни в чем себе не отказывать, жить на широкую ногу, вкусно покушать, крепко выпить, покутить «с девочками». Тем не менее приятельским контактам это не мешало.

И все же через год между ними вдруг наметилась трещинка. Не явная, но вполне отчетливая. Причина остается неизвестной. Ее можно назвать лишь предположительно. Один вариант – Ленин начал подозревать Парвуса в финансовой нечистоплотности. Второй, более вероятный, Парвус попытался вовлечь Ленина в масонство. И потерпел неудачу. Правда, в последующих взглядах Владимира Ильича отразилось некоторое влияние теорий иллюминатов, но его атеизм был абсолютным. Он был принципиальным противником не только христианской религии, а любых учений, связанных с мистикой, потусторонними смыслами и сакральными ритуалами. Косвенные доказательства того, что конфликт мог возникнуть на этой почве, будут приведены в следующих главах. Но размолвка была настолько серьезной, что Ленин счел невозможной дальнейшую работу в Мюнхене. В апреле 1902 г. он перебирается в Лондон. Однако на революционной деятельности это до поры до времени не отразилось. Зарубежная социал-демократия по-прежнему поддерживала российскую, в том числе Ленина, «находились» средства для его газеты. Почему же не использовать полезного человека?

4. Как возникла Антанта

Слово «Антанта» представляет собой разговорное сокращение от «Антант кордиаль», в переводе с французского – «Сердечное Соглашение». Впервые этот термин появился в 1830 г. В то время Англия старалась вывести Францию из-под российского влияния. Династия Бурбонов была восстановлена на престоле благодаря Александру I после разгрома Наполеона. Но в 1830 г. революция, инспирированная масонами, свергла Карла X, последнего короля этой династии, и возвела на трон Луи Филиппа. Новый король переориентировался на Англию, с ней был заключен союз, который как раз и назывался «Антант кордиаль». Направлен он был в первую очередь против России. Появился и термин «политика Антанты». Выражалась она, например, в поддержке польского восстания 1831 г., в совместном противодействии нашей стране на Востоке [45].

С этого времени под «Сердечным соглашением» стал пониматься вообще альянс между Англией и Францией. Это название употребляли в 1850-х при Наполеоне III, когда сколачивали блок, развязавший Крымскую войну. И точно так же, как в XVIII–XIX в. Запад раз за разом натравливал на Россию Турцию, так в начале XX в. начал подталкивать к конфликту Японию. Она чувствовала себя обиженной. В 1894–1895 гг. японцы выиграли войну против Китая. Но вмешались Россия, Франция – при поддержке Англии и США, и вынудили Токио отказаться от плодов побед. Действовали, вроде, вместе, однако западная дипломатия постаралась настроить Японию сугубо против русских, выставить их главной угрозой японским интересам в Северном Китае и Корее.

Воевать с нашей страной для Японии было очень рискованно и непросто, она лишь 30 лет назад перешла к модернизации феодальной экономики, созданию собственной промышленности. Но... начались некие странности в российском правительстве. Для восстановления дружбы, нормализации отношений. Русской армии и флоту кредиты хронически урезались за недостатком средств. А в это же время министр финансов (и масон) С. Ю. Витте выделял крупные займы Китаю. Для того чтобы Китай мог заплатить контрибуцию, наложенную на него после поражения от Японии. И как раз на эти деньги японцы вели перевооружение, строили флот. Были и другие странности. Укрепления Порт-Артура, главной военно-морской базы на Тихом океане, возводились черепашьими темпами, многому суждено было так и остаться в проектах – средств не было. А по соседству, по указаниям Витте, строился, не жалея денег, большой, прекрасно оборудованный торговый порт Дальний, совершенно не укрепленный и не защищенный.

Подготовиться к войне Японии помогали ее западные «друзья». В 1902 г. Англия заключила с ней союзный договор. Заинтересованность в нем была настолько велика, что впервые в истории была нарушена традиция британской дипломатии – не брать на себя конкретных обязательств, во всех прежних договорах англичане предпочитали сохранять «свободу рук». Подключились и американские деловые круги. Первыми на сближение с Токио пошли Рокфеллеры, «Стандарт ойл» получила разрешение на открытие представительств и осуществление операций в Стране Восходящего Солнца. В 1901–1902 гг. Япония начала переговоры с Рокфеллерами, Дж. Морганом и Дж. Стиллменом о размещении в США своих правительственных облигаций на 25 млн. долларов [154]. А самые ценные услуги по финансированию оказал Токио Яков Шифф.

Он происходил из Германии, из семьи франкфуртских банкиров. Его отец работал у Ротшильдов, потом открыл собственное дело. Братья Якова, Феликс и Людвиг Шиффы, остались ворочать капиталами во Франкфурте-на-Майне, а он в середине XIX в. перебрался в США. Поступил во второсортную банковскую контору «Кун, Лоеб и Компания», женился на дочери старшего партнера и вскоре стал ведущей фигурой фирмы. А саму фирму «Кун и Лоеб» вывел

на уровень второго по значению частного банка США (после Моргана). Шифф представлял в Америке интересы Ротшильдов. Породнился с крупнейшими финансистами Германии Варбургами. Макс Варбург возглавлял гамбургский банкирский дом, а его младшие братья стали партнерами «Кун и Лоеб» – Феликс Варбург, женившийся на дочери Шиффа, и Пол Варбург, женившийся на дочери Лоеба. Еще одним ценным партнером стал Отто Кан, сын банкиров из Мангейма, также вошедший в компанию «Кун и Лоеб» путем брака. Шифф находился в родстве и с британским банкиром Исааком Зелигманом, главой дома «Дж. энд В. Зелигман энд Ко». А заодно Зелигман являлся вице-президентом Нью-Йоркской Торговой палаты и председателем ее комиссии по налогам (очень полезное родство). Шифф вкладывал деньги в железные дороги, в металлургию, был «финансовым министром» империи «Стандарт ойл», правой рукой Гарриманов, Гульдов и Рокфеллеров в их железнодорожных проектах, стал компаньоном ведущего британского производителя оружия Виккерса. Был также связан с Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами.

Как свидетельствует биограф Шиффа Присцилла Робертс, он вел жизнь аскета, был гениальным финансистом и... ярким ненавистником России. «Будучи гораздо более набожным, чем его молодые партнеры, он был твердой опорой реформированного иудаизма, соблюдая то, что его племянник назвал «странной смесью ортодоксальности и ритуальной либеральности»... Шифф чувствовал глубокую ответственность своего положения как «одного из самых влиятельных евреев в Соединенных Штатах», выступал главным покровителем единоверцев-эмигрантов, патроном организаций «Объединенная еврейская благотворительность», «Общество помощи еврейским иммигрантам», «Фонд барона де Хирша», «Ассоциация еврейской свободной школы», «Образовательный альянс», через Феликса Варбурга курировал «Федерацию поддержки еврейских филантропических обществ Нью-Йорка», «Американский еврейский комитет», «Объединенный комитет распределения», газету «Форвертс» («Вперед»). Впрочем, упомянув о «реформированном иудаизме», биограф кое-что забыла – Шифф являлся одним из высших иерархов иудейской масонской ложи «Бнайт Брит» [105].

Присцилла Робертс пишет: «Начиная с 1890 г. Шиффа глубоко беспокоило бедственное положение евреев за границей... особенно в России. Шифф оказывал давление на американское правительство, чтобы оно повлияло на улучшение положения страдающих евреев в других странах. Уже в 1890 г. он и другие видные американские евреи обсуждали проблемы своих единоверцев за рубежом с государственным секретарем США Джеймсом Блейном». А как только против России стал готовиться удар, Шифф немедленно подключился к нему. Токио требовались деньги, деньги и еще раз деньги. Но когда представитель Японии Такахаши Корекой попытался достать займы, возникли проблемы. Банкиры, конечно, могут иметь личные политические симпатии и антипатии, но они всегда практичные люди. А Япония и Россия выглядели несопоставимыми величинами, в случае войны между ними с японскими ценными бумагами запросто можно было прогореть.

Шифф переломил ситуацию. «Его отвращение к политике царского правительства было так велико» (П. Робертс), что он приложил все усилия, убеждая американских и европейских банкиров ввести эмбарго на предоставление займов русским, а для реализации японских ценных бумаг банк «Кун и Лоеб» создал специальные синдикаты. К операциям удалось подключить другие американские компании – «Сити бэнк», «Нэйшенл бэнк оф коммерс» [154]. Были задействованы родственные европейские банкиры. В результате облигации удалось разместить на различных биржах, значительную долю – в Лондоне. Япония смогла получить 5 займов на общую сумму 535 млн. долларов. (Тогдашних. По нынешнему курсу это более 10 млрд. долл.) П. Робертс признает, что эти средства «покрыли более половины японских военных расходов и, вероятно, стали важным фактором, обеспечившим победу Японии».

Да уж ясное дело, важным! Но были и другие, не менее важные. Подрывная работа. В 1903 г. на Пасху в Кишиневе группы лиц еврейского происхождения допустили вдруг гру-

бейшие выходки, кидая грязью в крестный ход, в иконы. Это оскорбило верующих и спровоцировало столкновение. Как выяснилось, средства массовой информации к происшествию были заранее подготовлены. Телеграфные агентства мгновенно разнесли по миру известия о погроме, резне, сотнях жертв – чего и в помине не было. Российское правительство выступило с разъяснениями и опровержениями, но на них внимания не обращалось. Западная пресса их как бы и не замечала, продолжая раздувать шумиху из сплошной лжи. Именно этот скандал помог Шиффу и его компаньонам втянуть других банкиров в операции с японскими займами, реализовать облигации на биржах. И ознаменовал раскрутку антироссийского «общественного мнения».

Ну а из самих займов, полученных Японией, не менее 10 млн. долл. (около 200 млн. нынешних) было пущено на диверсионную работу. То есть на подпитку революции. Без этого Япония победить никак не могла. Следовательно, банковские круги, решившиеся сделать на нее ставку, располагали информацией, что удар в спину действительно состоится. Но существовали и другие, еще более сложные завязки. Деньги-то вливались японо-британские и японо-американские – а различные группировки революционеров курировались спецслужбами других держав. Франции, Германии, Австро-Венгрии. Значит, и они были задействованы в формирующемся заговоре.

Продолжались «странности» и в Петербурге. Правительство, несмотря на сигналы разведки, проявляло беспечность. Предложения по усилению боеготовности на Дальнем Востоке спускались на тормозах. Царя успокаивали – да разве посмеют «азиаты» на нас напасть? А группа авантюристов, близких ко двору, затеяла сомнительное предприятие с лесными концессиями на маньчжуро-корейской границе (как будто в Сибири и Приморье леса было мало), при концессиях предполагалось создать собственные вооруженные формирования. Это стало отличным поводом для конфликта. 6 февраля 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. А 9 февраля ее миноносцы без объявления войны торпедировали два броненосца и крейсер в Порт-Артуре, в нейтральном корейском порту Чемульпо эскадра обрушилась на корабли «Варяг» и «Кореец». Тут же началась высадка десантов. Детище Витте, незащищенный порт Дальний, был легко захвачен – с причалами, гаванями, полными складами. И стал лучшей перевалочной базой для перевозки на материк японской армии.

И так же, как это было в двух предшествующих войнах, русско-турецких 1853–1855 и 1877–1878 гг., наша страна внезапно очутилась в международной изоляции! В США группировка Шиффа организовывала антироссийские митинги. Даже вышла на президента Теодора Рузвельта с требованием, чтобы он «применил вооруженную силу в отношении России». Правда, от столь радикальных шагов Рузвельт уклонился. Но и ссориться с такими влиятельными кругами президент не хотел. Его правительство стало донимать Россию нотами и обращениями по «еврейскому вопросу». Англия выступила открытой союзницей Японии, демонстрировала готовность вот-вот вступить в войну на ее стороне. Враждебную позицию занял турецкий султан Абдул-Гамид. Закрыв Босфор и Дарданеллы для кораблей русского Черноморского флота, блокировав их переброску на Дальний Восток. Устраивались провокации с резней армян, Турция откровенно бряцала оружием – рассчитывая, что против России выступит западная коалиция, и можно будет повторить сценарий Крымской войны.

И союзница России, Франция, тоже вдруг сделала резкий поворот! Для начала объявила, что ее договоренности с Петербургом касаются только общих угроз в Европе, а конфликт с Японией ее не касается. Одновременно французы вели переговоры с англичанами. И в 1904 г. с ними было подписано дружественное соглашение, которое получило уже традиционное название «Антант кордиаль». Сердечное согласие. Но достигнуто было это согласие против России. Официально Франция заняла нейтралитет, однако он был отнюдь не дружественным по отношению к нашей стране. Русским военным кораблям запрещалось заходить во французские порты, французская пресса, «общественность», парламентарии поливали Россию

грязью, симпатизируя японцам. Активно принялась играть против нашей страны французская дипломатия. А единственным «другом» России выступила Германия. Она тоже провозгласила нейтралитет, но благожелательный, согласилась продавать снабжение, боеприпасы. Но «друг» оказался далеко не бескорыстным. За то, что он принял сторону России, Берлин навязал Петербургу кабальный торговый договор на 10 лет. Вдобавок «друг» был и нечестным. Германские торговые представительства, консульства, резидентуры спецслужб на Дальнем Востоке поддерживали контакты с японцами, обеспечивая их разведывательными данными. Словом, получалось иное «сердечное согласие»: все вместе – против нас. Кто открыто, кто тайно, исподтишка.

План войны был продуман грамотно. Враги России воспользовались моментом, пока Транссибирская магистраль не была окончательно достроена и имела разрыв у Байкала. Предполагалось создать перевес на море – что и было достигнуто первым вероломным ударом. После этого Япония получила возможность беспрепятственно перебрасывать войска на материк. Пользуясь численным перевесом, они должны были уничтожить русскую группировку до того, как сумеют подтянуться и развернуться контингенты из Европейской России. Однако героизм наших воинов сорвал эти планы. Стоял насмерть гарнизон Порт-Артура. А в полевой армии главнокомандующий А. Н. Куропаткин применил «отступательную тактику», позиционные оборонительные бои – однако именно эта тактика была губительной для японцев. Она изматывала их, наносила потери и выигрывала время для переброски на Восток свежих русских дивизий.

Но в арсенале противников оказалось еще одно оружие, более страшное, чем пули и снаряды. Подрыв тыла. Революционный подъем отнюдь не был вызван поражениями, потерями, военными лишениями. Нет, он был целиком искусственным. Когда война даже еще не начиналась, когда японские части только получали боевые снаряды и патроны, а капитаны миноносцев изучали карты рейдов Порт-Артура – накануне их нападения, в январе 1904 г., в России были созданы нелегальные организации либералов, из которых позже выросли партии октябристов и кадетов. А дальше началась классическая «раскачка». Развернулась мощнейшая информационная война. Российская либеральная и западная пресса запели в унисон, раздувая неудачи нашей армии, позоря «бездарность» военачальников, многократно преувеличивая потери. Активисты социалистических партий действовали в контакте с либералами. Принимали участие в их сборищах [105, 182]. И будоражили рабочих. В октябре 1904 г. в Париже русские либералы провели совместное совещание с революционерами различных группировок, договариваясь об общности действий. Был создан «Союз освобождения», который базировался в Женеве, координировал деятельность революционных сил и партий, распределял финансы.

Они поступали не только от иностранцев. Российские промышленные и финансовые тузы, рвущиеся к власти, тоже вносили весомую лепту. Вскоре «Союз освобождения» из-за рубежа переместился в Россию, начал всюду создавать свои ответвления. Теневым эмиссаром, через которого осуществлялось руководство процессами, шли денежные потоки, был Пинхус Моисеевич Рутенберг (впоследствии он станет председателем «Национального комитета» еврейских поселений в Палестине – первого фактического правительства еще не провозглашенного Израиля) [124]. На Кавказе, в Прибалтике, Польше, Финляндии подогревалась межнациональная рознь. Усиливалась волна забастовок, митингов. Причем социалистам подыгрывали и либералы-промышленники, помогая создавать поводы для недовольства. Из вовлеченных в революционные организации люмпенов и шпаны создавались отряды боевиков.

Но все же на первом этапе успехи были мизерными. Либералы захлебывались речами, тонули в спорах из-за программ. Вспышки стачек оставались ограниченными и изолированными. А главной задачей было добиться массовости выступлений, настоящего революционного взрыва. Требовалась очень крупная провокация. Она была подготовлена в Петербурге под руководством Рутенберга. Его агент поп Гапон предложил свои услуги полиции для создания

патриотических рабочих организаций, якобы в противовес революционным. В январе 1905 г. по ничтожному поводу – из-за увольнения 4 рабочих, удалось устроить забастовку на Путиловском заводе. Тут же сработала раскинутая сеть революционных ячеек, путиловцев в знак солидарности поддержали другие предприятия. И через Гапона в массы была внедрена идея идти 9 января к царю, изложить ему свои нужды, искать правды и справедливости. Распространялись слухи, будто государь сам хочет встретиться со своим народом, разобраться, как его обманывают чиновники и дворяне. Рабочие вдохновились, принялись выработать петицию со своими просьбами.

Царя в этот момент вообще не было в Петербурге. А правительство в последний момент узнало, что петиция подменена другой, экстремистской – с требованиями изменения государственного строя. Узнали, что к мероприятию активно готовятся террористы. И что в шествиях должно принять участие более 300 тыс. человек – которые двинутся с разных концов города и сойдутся на Дворцовой площади. Такая масса народа на ограниченном пространстве вместиться никак не могла, в проходах на площадь толпы передавили бы друг дружку. Память о трагической давке при коронационных торжествах на Ходынке была еще свежа, и власти забили тревогу. Манифестация была запрещена, центр города оцепили войсками, получившими приказ никого не пропускать, но оружие применять лишь при крайней необходимости. Однако агитация сделала свое дело. Утром 9 января к центру двинулись огромные толпы с иконами, хоругвями. В ряды мирных горожан влились боевые дружины эсеров, социал-демократов, анархистов. Заранее нагнетали настроения – нас, мол, не хотят пускать к царю. Призывали прорываться силой.

Кадры из советских фильмов, как манифестанты и солдаты стояли напротив друг друга на Дворцовой площади, а потом начался расстрел – не более чем ложь. К площади шествия не допустили. Заслоны войск перекрыли движение в четырех местах – на Обводном канале, Васильевском острове, Выборгской стороне и Шлиссельбургском тракте. И везде происходило примерно одно и то же. Люди останавливались, но провокаторы подзуживали прорываться. Толпы напирали, несмотря на выстрелы в воздух. В солдат летели камни. Прячась за спины рабочих, боевики стреляли из револьверов. И солдаты, видя, что вот-вот будут раздавлены и растерзаны лезущей на них возбужденной массой, били уже по людям. Начиналась паника, толпы в ужасе бежали прочь, сминая и топча друг друга. Не столько людей пало от пуль, сколько погибло и перекалечилось в давке.

Всего же в ходе «кровавого воскресенья» было убито и умерло от ран и травм 130 человек, 299 получили ранения. Это число пострадавших включало и солдат, полицейских [124]. Однако западная пресса и революционная агитация взвыли о «тысячах расстрелянных». «Кровавый» царь истребил мирных манифестантов, которые доверчиво шли к нему с нижайшими просьбами! И забурило по всей стране... Николай II готов был разобраться в недоразумениях. Была создана комиссия под руководством сенатора Шидловского, рабочим различных предприятий предлагалось самим избрать представителей в эту комиссию. Она должна была расследовать обстоятельства трагедии, а также выявить причины недовольства рабочих, выработать меры по их устранению. Но и этим революционеры воспользовались. На легальных выборах проталкивали свои кандидатуры, и комиссия стала фактически костяком будущего Петроградского Совета.

А Гапон, сыграв свою незавидную роль, бежал в Швейцарию. И пользовался бешеной популярностью. Лондонская «Таймс» платила ему огромные гонорары за каждую строчку воспоминаний. Кстати, оказалось, что российские социалистические партии еще ничего толком не сделали для нарастания революции. Делал «кто-то» другой – за них. Поэтому и эсеры, и социал-демократы принялись тянуть Гапона к себе, желали представить его «своим» человеком. Тогда получилось бы, что и массовое рабочее движение в Питере – их заслуга [86]. Гапона обхаживали и Ленин, и другие лидеры. Он зазнался, попытался играть самостоятельную роль.

Но через некоторое время на него был сострян компромат и подброшен эсеровским боевикам, которые и прикончили его. Он слишком много знал.

5. Революционеры «плаща и кинжала»

Помните фильм «Бриллиантовая рука»? Впрочем, кто ж его не помнит. «А это вам!» – «Какая прелесть!..» – «Вот здесь надо нажать!» – и из коробки выскакивает на пружине черт с длинным языком. В 1905 г. примерно таким же образом выскочил вдруг на историческую арену еще один важный персонаж, о котором перед этим мало кто знал. Лев Давидович Троцкий.

Начало его революционного пути было ничем не примечательным – можно даже сказать, типичным для многих тогдашних молодых людей. Лейба Бронштейн родился в 1879 г. в семье очень богатого херсонского зерноторговца и землевладельца. В хозяйстве отца трудились сотни батраков, мать была из семьи крупных предпринимателей Животовских. С 7 лет мальчик обучался в хедере при синагоге. А когда подрос, его устроили в Одесское реальное училище. В этот период он жил в семье двоюродного дяди Шпенцера, издателя и газетчика, и тети – директрисы гимназии для еврейских девочек. Седьмой класс училища заканчивал в Николаеве. Потом поступил в Одесский университет на математический факультет. Но еще в старших классах училища Лейба увлекся политикой, университет забросил, ударившись в деятельность «Южнорусского рабочего союза» (в котором рабочих почти не было – большинство «рабочих» были того же поля ягодой, что юный Бронштейн). Писал прокламации, участвовал в сходках. В 1898 г. был арестован.

Очень навредил себе собственными амбициями – пытался пускать туман, выставляя себя более важной птицей, чем был на самом деле, менял показания. Поэтому следствие затянулось, и Бронштейн провел в тюрьмах довольно долго – из Николаева был переведен в Херсон, еще полтора года просидел в Одесской тюрьме. Приговор получил -4 года ссылки. Первой любовью Лейбы стала Александра Соколовская, соратница по нелегальному кружку, на 7 лет старше его. Она была также арестована, Бронштейн переписывался с ней из камеры, а в Москве, в Бутырской пересыльной тюрьме, они вступили в брак по иудейскому обряду в присутствии раввина. В Сибирь поехали мужем и женой.

Жили в городишке Усть-Кут, потом в Верхоленске. У них родились две дочери. Бронштейн подрабатывал приказчиком у местного купца. Начал пробовать себя и в литературе. Первой его книгой стал трактат по истории масонства, написанный в тюрьме. Еще с детства Лейба страдал какой-то болезнью наподобие эпилептических приступов, которые проявлялись во время сильного волнения. И тема масонства настолько возбуждала его, что доводила до таких припадков, писал он Соколовской, что во время работы над книгой он испытывает «непонятное физическое состояние». В ссылке Бронштейн подрабатывал журналистикой, ряд его статей опубликовала иркутская газета «Восточное обозрение». И какие-то из его работ «заметили». Причем «заметили» на очень высоком уровне... В 1902 г. для него, еще никому не известного журналиста-любителя, был организован побег.

Кстати, много лет спустя, уже потерпев политический крах, Лев Давидович напишет книгу воспоминаний «Моя жизнь. Опыт автобиографии». Хотелось бы предостеречь тех, кто изучал ее и захочет использовать автобиографические данные. Источник это крайне ненадежный. Лжет автор сверх меры. О многих важных моментах вообще умалчивает, «забывает» о них. В других местах придумывает несуществующие красочные детали и события, что делает его книгу близкой к художественной. Но она и создавалась с единственной целью приукрасить себя, дополнительно прославить и подогреть к себе интерес, когда реальная популярность стала тускнеть. В частности о побеге он сочинил остросюжетную историю. Дескать, жена сделала из соломы чучело, положила на сеновале и показывала полицейским – это муж спит. Они и верили два дня, удалось выиграть время.

Это, конечно, чушь, рассчитанная на читателей, не знающих реалий дореволюционной России (в первую очередь, зарубежных). Неужто сибирские стражники были такими лопухами,

чтобы два дня принимать чучело за живого человека? Просто они контролировали ссыльных далеко не каждый день. Мало ли куда отлучился человек? На рыбалку, на охоту, за дровами в тайгу? А уж тем более слабо присматривали за семейными. И именно это обстоятельство, а не детективные хитрости, ввели в заблуждение полицию. У нее-то была нормальная русская логика – куда человек денется от семьи? Родные здесь, значит, и он должен быть где-то здесь. Но у Бронштейна была другая логика. Через кого ему было передано предложение бежать, остается неизвестным. Но Лев Давидович ухватился за него с радостью. Жену и маленьких детей он без колебаний согласился бросить в Сибири. Вероятно, эпизод с чучелом понадобился в мемуарах именно для того, чтобы сгладить этот не слишком красивый факт, – показать, будто Соколовская сама деятельно помогала мужу скрыться. А расстались они навсегда, первая семья никогда больше Бронштейна не интересовала. Соколовскую через пару лет «подберет» Федор Сыромолотов, который на Урале у Свердлова руководил дружиной боевиков. Или она Федора «подберет». Хотя это не суть важно. Дочерей будут воспитывать родители Бронштейна...

А побег Льва Давидовича был организован очень четко. И явно целенаправленно. Пока его хватились, он успел доехать до Иркутска. Получил (у кого – тоже остается тайной) деньги, приличный костюм, документы, билет. Сел в поезд – и поминай как звали. В прямом смысле «поминай как звали», потому что поехал под чужой фамилией. В мемуарах указывал, будто в чистый бланк вписал ради шутки фамилию тюремного надзирателя, Троцкий. Однако и это ложь. Вписывание собственной рукой могло дорого обойтись при первой же проверке документов – опытный глаз сразу заметил бы разницу между «профессиональным» почерком полицейского писаря и дилетанта. Но, как уже говорилось, действовала централизованная система снабжения паспортами. И Льву Давидовичу достался паспорт отставного полковника Николая Троцкого, умершего в г. Екатеринославе.

Путь для очередного «живого мертвеца» организаторы наметили заранее. Он доехал до Самары, где размещалась российская штаб-квартира «Искры». Получил от здешнего резидента Кржижановского деньги, дальнейший маршрут и явки. Отправился на Украину. В районе Каменец-Подольска его уже ждали, подготовили переход границы. Передали по цепочке на территорию Австро-Венгрии, где его ожидала и приютила некая еврейская семья. Обеспечила всем необходимым, посадила на поезд. Молодой беглец прикатил в Вену. И явился прямым ходом на квартиру... уже упоминавшегося Виктора Адлера. Теневого «кадровика» международных социалистов. Почему-то видный австрийский политик и парламентарий ничуть не удивился визиту незнакомца в воскресный день. Радужно принял, накормил, побеседовал. И, судя по всему, остался доволен. Счел Троцкого фигурой, заслуживающей внимания и пригодной к использованию. Снабдил его валютой, документами.

От Адлера Троцкий, уже со всеми удобствами, отправляется в Лондон, к Ленину. Ранним утром врывается в квартиру, которую снимали Владимир Ильич и Крупская, подняв их с постели – задорный, радостный, захлестнул их своей кипучей энергией. И они становятся друзьями. С Лениным Лев Давидович сперва сошелся «душа в душу». В политических спорах защищал взгляды товарища круче и горячее, чем сам Ульянов, Троцкого даже называли «ленинской дубинкой». И Владимир Ильич настаивал, чтобы его кооптировали в редакцию «Искры». Но воспротивился Плеханов. К этому времени редколлегия делилась на две группировки: Ленин – Мартов – Потресов и Плеханов – Аксельрод – Засулич. И Георгий Валентинович счел, что кооптация Троцкого даст во всех вопросах перевес Ленину.

Тем не менее Лев Давидович активно сотрудничал в газете. Его посылали выступать перед социал-демократами в разные города. И в Париже Троцкий познакомился с Натальей Седовой. Она была дочерью русского купца и полячки, начиталась «прогрессивной» литературы и в Харьковском институте благородных девиц поносила Православие, агитировала подруг не ходить на богослужения. Была исключена. Но ее папаша, человек состоятельный, отправил дочку продолжать образование в Сорбонне. Она стала второй женой Троцкого – без

оформления развода с первой. Правда, и без регистрации брака. Просто сошлись и стали жить вместе.

В июле 1903 г. собрался II съезд РСДРП, на котором предполагалось объединить разные группировки социал-демократии в одну партию. Отметим, что и это событие «совпало» с подготовкой русско-японской войны. Однако реального объединения не получилось. Ленинские формулировки в проекте устава – о партийной дисциплине, «демократическом централизме» вызвали недовольство части делегатов. Возмущались, что это приведет к командным методам, к «диктатуре». Возникли разногласия и по программе, по вопросу взаимоотношений с Бундом [69, 81]. Переругались. И созданная партия тут же раскололась на фракции. Те, кто согласился с Лениным, стали «большевиками», а воспротивившиеся во главе с Мартовым – «меньшевиками». Сами эти наименования были пущены в ход большевиками и впоследствии оказались очень выигрышными для них. Но только впоследствии. А на съезде «большинство», принявшее формулировки Ленина, было чисто условным. Из 44 делегатов 20 в обстановке раздора вообще отказались от голосования. Плеханов сперва примкнул к большевикам. Но Мартов в знак протеста против решений съезда вышел из редакции «Искры», и Плеханов изменил позицию, перешел на его сторону – Мартова он считал более ценным сотрудником, чем Ленина.

Троцкий же на съезде примкнул вдруг к меньшевикам. Он постепенно освоился в социал-демократической среде, росло самомнение. Поэтому он «принципиально» выступил против жесткой партийной дисциплины, не желая очутиться в положении чьего-то подчиненного. Как Лев Давидович, так и Ленин в полемике применяли одинаковые приемы, с «переходом на личности». И они рассорились, из друзей превратились во врагов. Но и альянс Троцкого с меньшевиками оказался недолгим. Вскоре они разошлись, поспорив о роли либеральной буржуазии. Конечно, такое разногласие было пустяком. Истинная причина была иной, растущие амбиции Льва Давидовича. Он уже не считал для себя возможным следовать в фарватере того или иного течения, тянулся к самостоятельному лидерству.

Для эмигранта такая неуживчивость могла привести к крупным неприятностям. Ведь само существование за границей обеспечивалось через организацию – через нее он получал деньги, работу (или видимость работы, но оплачиваемую). Одиночке пришлось бы туго. Но таинственные покровители, «заметившие» Троцкого и вытащившие из Сибири, опять не оставили его в беде. Он получает приглашение Парвуса. Едет с женой в Мюнхен и встречает самый радушный прием. Они поселяются в особняке Парвуса, живут на всем готовом. Судя по всему, Лев Давидович приглянулся хозяину. Все факты свидетельствуют о том, что именно тогда, в 1904 г., Парвус занялся «специальной» подготовкой гостя, и через него Троцкий вступил в орден иллюминатов. Потому что как раз в это время в работы Льва Давидовича широко хлынули идеи иллюминатов, выраженные, например, в его теории «перманентной революции» – от национального уровня к интернациональному, от интернационального к мировому.

А в 1905 г., сразу после «кровавого воскресенья» Парвус и Троцкий засобирались в Россию. Но первым делом они мчатся... куда бы вы думали? В Вену. К Адлеру. Получают у него фальшивые документы, деньги. У него же на квартире переодеваются, меняют внешность... Тут уж, знаете ли, невольно возникают ассоциации с банальной шпионской явкой. И дальнейшие события подтверждают этот вывод.

Австрийские спецслужбы в данный период старались разыграть «украинскую карту». Западная часть Украины, Галиция, принадлежала Австро-Венгрии. Чтобы прочнее привязать ее к империи Габсбургов, насаждался католицизм, униатство, местная интеллигенция «онемечивалась». А в украинских областях, принадлежавших России, австрийцы поддерживали националистов, чтобы вбить клин между украинцами и русскими. Для этого в Лемберге (Львове) содержали группу «ученых» сепаратистов (они называли себя «мазепинцами»), издавалась и переправлялась за рубеж соответствующая литература. Дело шло туго. В Галиции были сильны пророссийские настроения, многие крестьяне, несмотря на гонения, упорно держались Пра-

вославия. А украинцам в составе Российской империи сепаратистские идеи были совершенно чужды. Они в ту пору даже и называли себя не украинцами, а «русскими» или «малороссами». Тем не менее австрийцы «подкармливали» группы националистической интеллигенции, держали под контролем «национальные» течения либералов и социалистов. И по каналам этих организаций Парвус, Троцкий и Седова были переброшены на Украину. По одиночке, с соблюдением конспирации.

Правда, ступив на родную землю, Троцкий повел себя, скажем так, не героем. В Киеве ему почудилось, что за ним следят, что он «под колпаком». Он запаниковал и глухо зарылся «на дно» – залег под чужим именем в частную клинику. Но его взял под опеку Л. Б. Красин (кличка – «Винтер»). Видный большевик, инженер, он занимал высокое положение в германской фирме «Сименс-Шуккерт». А все руководство немецких предприятий за рубежом было связано с германской разведкой, Эта методика централизованно и строго проводилась Берлином [118]. И без связей со спецслужбами продвижение в иерархии германских фирм было невозможно. В ходе революции 1905 г. Красин выполнял важнейшую функцию. Он руководил поставками из-за рубежа оружия для боевых дружин. То есть имел доступ к «святым святым» – источникам финансирования, курировал закупки, транспортировку, «окна» на границе (в чем, уж наверное, тоже помогли связи с германской разведкой).

И вот что удивительно! Столь влиятельное лицо вдруг начинает заниматься сущей «мелочевкой» – обслуживать и обеспечивать всем необходимым никому еще не известного Троцкого, становится его персональным «ангелом-хранителем». Вроде бы совершенно не по рангу... То есть Красин получил указание взять на себя эту обязанность. Причем указание явно не от партии. Лев Давидович, как уже отмечалось, не был связан ни с большевиками, ни с меньшевиками. Красин привозит его и Седову в Петербург, устраивает им хорошее жилье в доме военного врача Литкенса. И... снова срыв! На первомайском митинге арестовали Седову. За ней не числилось никакого криминала, она не была нелегалкой (в Париж-то выехала легально, на учебу). Но Троцкий опять запаниковал и удрал в Финляндию. Впрочем, Красин с заданием, которое получил неведомо от кого, справился успешно и терпеливо. Разыскал Льва Давидовича и в Финляндии, помог устроиться, наладил ему связи...

Но на время оставим незадачливого революционера прятаться по конспиративным квартирам и перенесемся далеко на восток, где происходили события, прочно связанные с революцией. Война. «Позорных» поражений, о которых шумела пресса, в ходе боевых действий не было. Порт-Артур сражался до последнего. Комендант Стессель сдал его, когда дальнейшая оборона уже не имела смысла. Враг занял господствующие высоты, расстреливая город и гавань, корабли 1-й Тихоокеанской эскадры были уже потоплены или повреждены артогнем. И продолжение сопротивления вело бы лишь к одностороннему избиению гарнизона и населения. А морское сражение в Цусиме было проиграно только из-за того, что русские снаряды главных калибров, попадая в японские корабли, не взрывались. Очевидно, имела место диверсия. Технологические нарушения в процессе изготовления – и в результате наши моряки получили некондиционные боеприпасы. И легла на дно 2-я эскадра – боевое ядро Балтийского флота.

Но ход войны должен был вот-вот перемениться с точностью до наоборот. Тактика Куропаткина дала свои плоды. В Маньчжурии сосредоточились уже не одна, а три русских армии, 38 полнокровных дивизий против 20 японских. Причем неприятельские соединения были обескровлены. Они понесли потери в 5–6 раз больше русских. Офицерский и унтер-офицерский состав был повыбит. Пополнения прибывали необученные, из совсем юных мальчишек. В боях стало наблюдаться новое явление – японцы большими группами сдавались в плен, чего на предыдущих этапах войны никогда не бывало. Донесения разведки сообщали о панических настроениях в Токио. Готовящееся русское наступление должно было неминуемо кончиться полным разгромом противника.

Но революция уже успела набрать силу. Охватила города, перекинулась в деревню, парализовала пути сообщения, закупорила мятежами и забастовками Транссибирскую магистраль, от которой зависела армия в Маньчжурии. Усугубил картину «финансовый интернационал». В начале войны, в мае 1904 года, царское правительство, предложив высокие ставки процентов, добилось займов во Франции. Теперь же, якобы в связи с революцией, западные банки отозвали из России свои капиталы. К войне и политическому кризису добавился финансовый [47]. И «доброжелатели» в окружении царя принялись убеждать его, что все потеряно...

Когда русское правительство предложило начать переговоры о мире, Япония с радостью согласилась. Посредником вызвался быть президент США Теодор Рузвельт. Америка вела собственную политику. Активно подыгрывая Японии, она демонстрировала и «дружбу» к России. Еще в ноябре 1904 г. крупнейшие банкиры Дж.-П. Морган, Дж. Стиллмен и Ф.-А. Вандерлип через главу телеграфного агентства «Ассошиэйтед пресс» М. Стоуна организовали встречу с российским послом в Вашингтоне Кассиди, устроили обед в его честь. Представитель министерства финансов России восторженно докладывал в Петербург: «Из произнесенных на обеде речей нельзя не прийти к заключению, что настроение представителей общественности здесь изменилось, враждебное отношение к России почти совершенно исчезло». Кстати, этим представителем был некий Г. А. Виленкин. Женатый на дочери банкира Исаака Зелигмана – а через него породнившийся и с Шиффом [154]. Именно его министерство финансов назначило представлять свои интересы в США. Еще одна «странность».

На самом деле не все круги в США готовы были, подобно Шиффу, проводить последовательный антироссийский курс. Обычная политическая логика диктовала другое, Америка «видела идеалом войны полное истощение противников и усиление собственных позиций в Китае» [154]. Она не хотела усиления Токио. Но и перспектива разгрома Японии была нежелательной. Да и банкиры понесли бы убытки на японских займах. Момент для заключения мира выглядел самым подходящим. Поэтому вопрос согласовался очень быстро. Переговоры начались в американском Портсмуте, куда приехал премьер-министр России Витте. Условия выработали мгновенно. Наша страна уступала Токио Южный Сахалин, Ляодун, часть Южно-Маньчжурской железной дороги. Японский представитель Такахира заикнулся было о 3 млрд. руб. контрибуции, но это притязание отвергли, и Страна Восходящего Солнца о нем больше не вспоминала – абы поскорее заключить мир, пока не передумали.

Ну а подлинные авторы поражения России даже не считали нужным держаться в тени. Наоборот, гордо демонстрировали, что это сделали они. Пусть видят, пусть знают. В Портсмут приехали не только дипломаты, прибыл и Шифф. И не один, а с главой ложи «Бнайт Брит» Крауссом. Они присутствовали 28 августа при подписании договора – чтобы Россия признала свое поражение не только перед Японией, но как бы и перед их лицом [139]. Шифф открыто признавал, что деньги для революции поступают от него, что он финансировал еврейские «группы самообороны» – то есть террористов. За свой вклад в победу Японии он был награжден орденом японского императора. И на церемонии награждения произнес речь с угрозами в адрес царя и русских – дескать, мы им еще не то устроим [105].

6. Почему заглохла первая революция

Когда идет представление в театре, обязанности распределяются между всеми участниками. Актеры в нужное время произносят слова своих ролей, музыканты играют свои партитуры, танцоры появляются на сцене в заданные моменты, чтобы исполнить свои па, осветители знают, когда включить софиты, что именно выхватить прожекторами. Художники потрудились заранее, изготовив декорации, и рабочие сцены вовремя меняют их. И все это объединяется режиссерским замыслом в общую картину. Сам режиссер может наблюдать за ходом действия из зала, из-за кулис, а может вообще отсутствовать. Точно так же и в революции. Только людей в ней задействовано гораздо больше. И, в отличие от представления, большинство из них не знает режиссерского замысла.

В России одни действующие лица выдвигали лозунги против «ненужной» войны. Другие устраивали забастовки и диверсии, обеспечивая военные неудачи. И их выхватывали прожектора прессы, смакуя «позорные поражения». На волне этого шума либералы в окружении царя подталкивали его к немедленному миру. А стоило заключить его, как российская «общественность» стала раздувать возмущение «позорным миром», он объявлялся доказательством отсталости всего государственного строя. В октябре разразилась всеобщая политическая стачка. И те же самые придворные либералы во главе с Витте стали нажимать на Николая II, уговаривая пойти на конституционные реформы. Мол, только такой шаг успокоит «народ» и нормализует ситуацию.

Сам русский народ, кстати, при этом не спрашивали. Народ стихийно начал подниматься против революции, создавать свои организации – «Союз Русского народа» и др. Но «общественность», своя и заграничная, обрушивалась на «черносотенцев», ни малейшей поддержки сверху народная инициатива не получила. Мало того, представители царской администрации, чиновники, пусть и не причастные к либеральным кругам, а просто нахватавшиеся духа либерализма и чуждых понятий о «прогессе», всячески прижимали патриотов. Даже руководство Церкви отнюдь не приветствовало такие начинания, запрещало священнослужителям участвовать в них, покатались неприятности на иереев, обвиненных в «черносотенстве» [105]. Таким образом, власть сама оторвала себя от народа. И в этом оторванном мирке действовало особое «информационное поле», питавшееся все той же прессой и «общественными мнениями», требовавшими реформ. Министр внутренних дел А. Г. Булыгин предлагал уступки умеренные, создать Думу с совещательными правами. Куда там, этот вариант дружно отменили все слои оппозиции. И Витте все же сумел «дожать» царя. 17 октября был издан Манифест, которым император даровал народу «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Создавался законодательный парламент – Государственная Дума. Объявлялась всеобщая политическая амнистия.

Кстати, революционеры заранее знали о том, что подобный документ будет подписан. Знали и то, когда примерно он должен быть подписан. Например, Свердлов еще в сентябре говорил своей будущей жене Новгородцевой о скором переходе на легальное положение [140]. А Троцкий, как говорилось в прошлой главе, усиленно прятался. Что он делал в течение пяти месяцев, остается загадкой. В автобиографии он этот отрезок времени опускает. И никакие его работы, ни один из биографов ответа не дают. В Петербург же он вернулся 14–15 октября. Заметьте, буквально накануне Манифеста и амнистии «политическим» – в том числе и ему.

В столице к этому времени оказался и Парвус. И они развернули бурную деятельность весьма продуктивным «тандемом». Но лидировал Парвус, Троцкий при нем играл вспомогательную роль, вроде стажера. На Израиля Лазаревича были завязаны финансовые потоки, и уже явно не японские. Японцам уже незачем было оплачивать революцию, да и нечем после тяже-

лой войны. А деньги шли немалые. На эти средства Парвус наладил выпуск «Рабочей газеты», «Начала», «Известий» – их стали печатать такими массовыми тиражами, что буквально заваляли ими Питер и Москву. В газетах публиковались статьи и Троцкого, и других российских революционеров, и австро-германских социалистов – Адлера, Каутского, Клары Цеткин, Розы Люксембург. Через эти издания осуществлялись и некоторые махинации. Опубликовав фальшивку, так называемый «финансовый манифест», Парвус сумел обвалить курс русских ценных бумаг, на чем очень крупно погрели руки западные банкиры. Уж конечно, Парвус при этом не забыл и собственный карман.

А Троцкого в это время начинают очень интенсивно «раскручивать». Уже в октябре он обеспечивает себе популярность тем, что на массовом митинге театральным жестом разрывает царский Манифест. Его, еще не имеющего ровным счетом никаких заслуг, никакого опыта, проталкивают на пост заместителя председателя Петербургского Совета. Словом, «непонятные» кусочки мозаики складываются в картину, которая может иметь только одно объяснение. Еще за рубежом теневые режиссеры сочли Льва Давидовича подходящей кандидатурой в лидеры революции. И его целенаправленно делают лидером. Именно поэтому его обслуживают и обеспечивают Адлер, австрийские спецслужбы, Красин, Парвус.

Хотя для сторонних глаз истинная иерархия действующих лиц скрыта. В председатели Совета выдвигается Хрусталева-Носарь. Недалекий и неумный адвокат, получивший известность на судебных процессах, где он защищал рабочих, привлеченных к ответственности за нелегальщину, за участие в беспорядках. Он стал фигурой чисто декоративной: до поры до времени прикрыть главных персонажи и не мешать им. На втором плане Троцкий, которому создают бóльший реальный вес, бóльшие возможности, чем Хрусталева-Носарю. А Парвус, настоящий двигатель революции в столице, вообще держится в тени. Все свои ходы он осуществляет через Троцкого.

Вопреки уверениям Витте и других либералов-царедворцев, Манифест от 17 октября никакого успокоения стране не принес. Наоборот, опубликовав его, царь попал в ловушку. Революционеры получили возможность действовать легально, в открытую. И они закусили удила. Троцкий в эти дни блистал, красовался, кидался лозунгами. В дополнение к талантам журналиста у него обнаружился еще один – великолепный дар оратора. Он и сам любил играть на публике. Зажигался, доводя себя до экстаза, и оказалось, что умеет зажигать толпу. Даже не содержанием речей, а передавая свой эмоциональный заряд, взвинчивая до высочайшего накала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.